

АРТЕМ ШУМИЛИН СЕРЖ ВИНТЕРКЕЙ

РЕВИЗОР:
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР: 5

Ревизор

Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 5

«Автор»

«Автор»

2023

Винтеркей С.

Ревизор: возвращение в СССР 5 / С. Винтеркей — «Автор»,
«Автор», 2023 — (Ревизор)

Приключения московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год, продолжаются. Павел Ивлев готовится к взрослой жизни, завоевывает себе авторитет, окружает близкими друзьями, которым искренне стремится помочь. Кроме того, необходимо распутать схему с хищениями на механическом заводе, отомстив за сотрудника ОБХСС, и разобраться с угрозами от криминального трио, возглавляемого братьями Зауровыми.

© Винтеркей С., 2023

© Автор, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Артем Шумилин, Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 5

В тексте упоминаются социальные сети Facebook и/или Instagram (организации, запрещённые на территории РФ).

Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ.

* * *

Глава 1

03.04.1971 г. Святославль

Я посмотрел на наган, посмотрел на Аристарха. Сказал:

– Опасное это дело. Нападут, застрелят их, пойду тоже в тюрьму с гарантией. Не любит советская власть тех, кто со стволом ходит.

– Ну, тоже верно. Твоя правда, – Аристарх принялся заворачивать наган обратно в тряпки.

Я смотрел, как он это делает, и мне безумно хотелось взять револьвер. Против трех здоровенных противников самое то. Но нет, могу сесть в тюрьму, даже и не встретив никого из своих врагов. Заметит у меня кто-нибудь этот ствол, тут же сообщит в милицию, и меня придут арестовывать. А как гарантированно спрятать револьвер на моем щуплом тельце так, чтобы никто не заметил? Да никак, их не зря в кобуре носят. Будешь в кармане штанов таскать, зацепишься за что-нибудь и отстрелишь себе органы производства. А в портфеле с собой будешь таскать, так и не факт, что успеешь достать при нападении. Просто порадуешь нападавших, когда они портфель, оприходовав тебя, обыщут, ценным трофеем. Так что риск слишком велик с наганом, что заметят его у меня. И не оправдаешься никак, что обоснованно боялся нападения. Ни одного шанса остаться на свободе.

Подумал, правда, и о том, чтобы выйти прямо сейчас к Заурову и пугнуть его револьвером. Но тут же от этого варианта отказался. Не буду же, в самом деле, стрелять? А если не буду, то ситуацию только усугублю. После этого я стану не пацан, которого надо избить до полу-смерти, чтобы покрепче к себе Васю привязать, а источником огнестрела, которым банде надо обязательно завладеть. Ценная вещь, сразу повысит статус бандитов и их самооценку. И в этом случае они удвоят усилия, чтобы меня где-то подловить. Причем будут стараться вырубать сразу, и наверняка, чтобы не успел оружием воспользоваться. Шансы помереть с первого удара резко вырастут. Да, тоже не вариант, как бы красиво он ни выглядел внешне. Выйти к бандиту, заставить его убежать, спотыкаясь, угрожая револьвером... был бы шестнадцатилетним пацаном, точно бы не удержался, так бы и сделал. Но жизненный опыт и знание психологии помогает не делать глупостей.

– Есть, правда, еще один вариант, как дело разрулить, – сказал Аристарх, закончив работу по упаковке нагана, – знаю я одного пожилого зэка в авторитете. Зауровы эти твои, про них все наслышаны, местные, но никакого уважения к ним нет. Насильники, что еще сказать. А бандитам местным не нужны проблемы с милицией из-за таких, как они. Они же стараются не гадить там, где живут, и то, что Зауровы это правило нарушают, против них может здорово сыграть. Я тогда наведуось к нему, поговорю, а ты снова забегай – сообщу о результатах. Многого заранее не обещаю, но вдруг сработает.

– Спасибо, Аристарх, вы – настоящий друг! – совершенно искренне сказал ему, – я просто вопрос задал, а вы ко мне со всей душой отнеслись. Если что будет нужно, обязательно обращайтесь!

– Да что ты, Пашка! – усмехнулся Аристарх, – как-то ты странно дело поворачиваешь! Забыл, что ли, как Веронику мою добровольно бросился защищать от Цушко! И я знаю от Ивана, кто подал идею ее на базу устроить. Это очень хорошее место работы считается, сама бы она даже и не осмелилась туда без опыта работы обращаться. А ты подсказал, и ее взяли тут же. Так что это я тебе по гроб должен, и это ты всегда можешь ко мне по любому вопросу обращаться!

Я аж ухмыльнулся в душе – два благородных кабальеро спорят о том, кто кому больше помог! Прямо тебе мексиканский сериал! Но, аккуратно выглянув в окошко, увидел стоящего неподалеку Заурова – если тот и мерз, то никак этого не показывал. И все эти веселые размыш-

ления про сериалы тут же из головы вылетели. Блин, мне на базу надо, опоздаю – Никифоровна и обидеться может. А она нам сделала шикарное предложение по нынешним временам! Нельзя мне больше тут сидеть, чаи гонять.

– Аристарх, а можно мне из окна с другой стороны дома вылезти, чтобы меня этот хмырь не засек? – спросил я.

– А что, хорошая идея! – энергично закивал дед, – огородами уйдешь на соседнюю улицу. Пусть он тут стоит, охлаждается потихоньку на весеннем ветру. Авось заболит ирод пневмонией и помрет!

Я так и сделал. Уже через две минуты шел по другой улице и вскоре был уже на базе.

* * *

Аристарх выждал минут десять, как пацан уйдет. А затем вышел из дома и направился к стоявшему на углу с очередной папироской в зубах бандиту. Тот с интересом следил за его приближением, но даже не пошевелился.

– Ты Зауров будешь? – спросил он его.

– Допустим, – ответил тот, – а тебе чего, батя? Тебя пацан на смерть послал, сам зассал выйти поговорить?

– Я на тот свет еще не спешу, хоты ты прав, в силу возраста терять мне особо нечего. Если вдруг с этим пацаном что случится, пойду убивать виновных без малейшего страха. Чего мне уже бояться?

Бандит нагло улыбнулся. Напуганным он не выглядел.

– Дед, я таких убивателей, как ты, по трое в ряд положу и не запыхаюсь.

– А зятя моего, что в милиции работает, тоже сможешь так? – спросил его Аристарх, улыбаясь не менее уверенно.

Улыбка на лице бандита померкла.

– Не бойсь, я ему пока ничего не скажу, – сказал дед, – к чему мне это? Тем более я лучше к другому деду схожу, Тимофею. Его ваши Графом кличут. О, вижу по твоему лицу, что тебе с ним не по пути! Значит, так – еще раз говорю – с пацана этого и волоска не должно упасть, иначе земля будет гореть под ногами вашей мелкой банды.

Бандит больше не пытался шутить или дерзко улыбаться. Никакого ответа он не дал – просто резко развернулся и пошел прочь. Аристарх так и не понял – сработали ли его угрозы.

– Все же придется идти к Графу... – пробормотал он себе под нос, возвращаясь домой.

* * *

Придя на базу, первым встретил Степана. Он явно обрадовался, увидев меня, пообщались с минуту очень дружески. Сразу пришло в голову, что с ним можно тоже бы было проконсультироваться, что лучше делать с Зауровыми. Но решил, что не стоит, Аристарх обещал же перетереть с местным криминальным авторитетом, не буду суетиться. Да и Степан чувствовал себя мне обязанным, сильно обязанным. Для судимого получить такую работу, на базе, которая считается очень престижной в городе – что-то малореальное. Боюсь, он покивает мне, посочувствует, а потом, ни слова мне не говоря, пойдет искать Зауровых. И убьет их на месте, а сам снова пойдет по этапу. И его жалко будет, да и оно мне надо, так Мишку подставлять? И так рос без отца, сейчас вот хоть с дядькой отношения наладились.

Вошел внутрь. Поднялся в бывший кабинет Цушко. Поздоровался с Никифоровной. Я припоздал – мама, конечно, уже была здесь, и как раз что-то меряла, что-то типа зеленого летнего сарафана. И шмоток женских по кабинету было разбросано – мама не горюй!

– Сынок, скажи, мне идет? – тут же спросила меня она.

Присмотрелся, одобрил.

– Польша, ты тут сама уже примеряй дальше, а мы с Пашкой пойдём ему вещи подбирать, – велела Никифоровна.

По дороге сунул ей в руку список вещей, составленных бабушкой. Объяснил ситуацию.

– Я подберу, а потом все же она пусть померять обязательно придет, – велела Никифоровна.

– Мама вернется, будет кому с Аришкой сидеть, обязательно пришлем ее!

А дальше мы начали длительный поход по складу. Он мне уже был как родной, так что Никифоровна говорила, что откуда снимать, а потом она из снятых ящиков откладывала на меня вещи. В итоге отложила для меня три костюма из ГДР, две пары джинсов – снова оказались болгарские, два пуловера из Югославии, кроссовки из Финляндии, туфли из Чехословакии – в этот раз мне все же достались Саламандеры. Потом Никифоровна махнула рукой, и достала еще и сапоги из ГДР.

Все это я потащил к ней в кабинет – мама уже намерялась, и настало мое время мерять и выслушивать критику со стороны женщин. Впрочем, глупостей они не говорили, забраковали только один костюм и пуловер. Менять их на другие Никифоровна отправила меня уже одного, сказав, что я сам прекрасно знаю, где что искать. Специально взял себе костюм на вырост, чтобы было и где плечам раздастся – с прицелом, чтобы он был актуален и через пару лет. Качать мышцы я был настроен решительно и неотвратимо.

В результате примерки мы с мамой набрали одежды и обуви на пятьсот сорок рублей. На черном рынке все это уверенно потянуло бы тысячи на три, но в этот раз об этом речи не шло. Хотя не факт, что в будущем я удержусь от продажи чего-нибудь из купленного по устраивающей меня цене, если снова какой-нибудь Серега-вахтовик подвалит с такой просьбой. К шмоткам и моде я был равнодушен и в той жизни.

Удалось также прихватить несколько вещичек на Галию. Свитер болгарский, пару блузок румынских. Вот она к моде совсем равнодушна. Буду ей дарить с интервалом в месяц-два, чтобы больше удовольствия получила от подарков.

Завалила нас Никифоровна и деликатесами со сладостями. Зефирные грибки – я и не знал, что они уже появились в это время, бананы в шоколаде, тахинно-ванильная халва. И все это за гроши – три килограмма этих сладостей обошлись нам меньше трех рублей. Из импортного набрали полтора килограмма швейцарского шоколада – Тоблероне был на базе по 32 копейки за сто грамм. Шикарный подарок, если понадобится с какой-нибудь секретаршей важного человека подружиться, жаль, срок хранения оставался всего полгода. Ну, если что, и сами схоячим с большим удовольствием! Набрал побольше жевательных резинок – все эти хлорофиллы и пеперминты идеальные подарки для детей. Да и стоят сущие гроши – по 30 копеек за пачку с одиннадцатью пластинками. Сам помню по своему детству – во двор выйдешь не то что с такой пачкой, а с одной-единственной пластинкой в сверкающей фольге – всеобщее внимание к тебе уже будет привлечено!

Ну и мама, конечно, нахапала всяких болгарских консервов – персиков, помидоров. Особенно не понял, зачем нужны помидоры, но ладно уж, пусть отрывается.

Сразу оплатили и заказанные вчера телевизор, стиральную машинку и холодильник. К сожалению, второй стиральной машинки у Никифоровны не нашлось.

Все купленные вещи сложили в три коробки в кабинете у Никифоровны. Договорились, что технику Степан перенесет поближе к воротам. А мы с Ахмадом заедем, когда стемнеет. Погрузим все и повезем к нам домой.

Вернулись с базы налегке. Отправили бабушку к Никифоровне. Время за шопингом пролетело так быстро, что мне уже и пора было отправляться на встречу с Тимуром и Дианкой в молочное кафе. Первоначально договорились встретиться в десять утра, но что-то я попутал субботу с воскресеньем, так что потом перенесли ее на четыре дня.

Перед тем, как выйти на улицу, сделал две вещи. Первая – спрятал оставшиеся деньги, с собой взял пятерку. Не поленился слезить на чердак и подобрать там для них укромное местечко в керамзите, которым был утеплен дом. Деньги сложил в железную коробку из-под монпансье, чтобы крысы не погрызли, если вдруг забредут на наш чердак, сейчас такие коробки валялись почти в каждом частном доме. Это уже в двадцать первом веке их будут продавать на интернет-аукционах как какую-то ценность.

Второе – нашел в сарае железный ломик на пару кило, аккуратно обернул газетами в несколько раз, обвязал веревкой. Затем нашел единственную в доме авоську из плотной ткани и уложил его в нее. В случае чего за полсекунды он окажется в руке. Я бы, конечно, предпочел баллончик с перцовым газом, он полегче, но чего нет, того нет. Кинул в авоську и пару пачек с жевательной резинкой.

В кафе появился минута в минуту, Тимур и Диана там уже сидели. Это мне понравилось – не опоздали, значит, уважают.

– Что это у тебя странное в авоське? – заинтересовался Тимур.

– Это? – я достал обе пачки жевательной резинки и вручил им по одной.

Как немедленно выяснилось, мои брат с сестрой не так далеко и отделились от детства – подарки были встречены с чисто детским восторгом. Видимо, когда были малыши им так сильно хотелось раздобыть эту престижную вещь, что теперь, когда она попала в их руки, вся радость от обладания тут же и выплеснулась наружу. Тимур немедленно забыл про ломик, которым так заинтересовался – обоих в данный момент больше интересовал другой вопрос – открывать заветный раритет и жевать, или оставить на будущее? Эти мысли так явно читались на их лицах, что я рассмеялся:

– Да жуйте, жуйте – у меня еще есть!

Начало нашей встречи, таким образом, прошло в светлой атмосфере всеобщей радости. Но дальше я, когда мы заказали молочные коктейли и стали их обладателями, заговорил уже серьезно:

– Надеюсь, вы понимаете, что наш клуб, в который вы хотите вступить, дело серьезное?

Оба немедленно заверили меня, что понимают. Смотрел на них и диву давался – куда только делась прежняя спесь Дианы и наглость Тимура! Нормальные же совсем ребята передо мной сидят! Вот что значит прикосновение к тайне и дефициту – созданный мной со Славкой и Мишкой клуб манил моих брата с сестрой и казался им чем-то очень важным и нужным. Наверное, точно также заманивают людей в секты и банды – твердя, что это эксклюзив не для всех.

– Все, кто уже вступил в клуб, прошли серьезные испытания, чтобы доказать, что они этого достойны, – продолжил я, – готовы выслушать, в чем будет состоять ваше испытание?

Изложил. Восторга, понятное дело, не увидел, но оба тут же согласились выполнить условия. Без всяких колебаний.

– Итак, – начал я, – поздравляю! Вы условно приняты – полными членами клуба вы станете, когда пройдете ваши испытания. Первое правило нашего клуба – его не существует! Мы не обсуждаем наш клуб ни с кем, кто не является его членом!

Следующие двадцать минут я медленно и последовательно вдавливал в головы брата и сестры некоторые из тех вещей, что раньше излагал Славке и Мишке. Пытался разжечь в них честолюбие, убедить, что они достойны большего, чем просто нестись по течению жизни, не выбирая, куда оно их принесет. Естественно, сказанное Диане несколько отличалось от того, что я раньше говорил Славке и Мишке:

– Ты, наверное, уже много раз слышала от других, что тебе и делать ничего не надо – просто удачно выйти замуж, и все само собой сложится. Я прав?

Диана кивнула – ну еще бы.

– Только с этим замужеством много подводных камней. Хорошо, если тебе повезет – муж окажется нормальным и заботливым. А если будет бить тебя и детей? А если пить, не просыхая, и ни копейки денег домой не приносить? А тебе только и останется рыдать и заламывать руки – кому же ты с детьми и без образования нужна будешь?

Тут Тимур совершенно некстати меня перебил:

– А мы с тобой, Пашка, тогда приедем, и руки этому любителю Диану бить и переломаем, верно?

Помощник, блин!

– Если будем живы, здоровы и способны сделать это! – сказал я, – запомни, Диана – ты должна быть способна рассчитывать на себя. А для этого тебе точно не будет лишним университетское образование. Оно тебя всегда прокормит в случае чего, и муж твой, если с ним не повезет, тоже будет помнить об этом. Что ты в любой момент можешь от него уйти, и с голоду не помрешь, будешь нормально зарабатывать. Глядишь, и будет себя вести повежливее и поосторожнее.

Диана кивнула. Как отнеслась к моим словам – кто его знает, возможно, тут же и забыла.

– И помни – чем больше ты будешь повышать свою ценность в обществе, тем шире у тебя будет и выбор кандидатов в мужья. Сравни выбор здесь, в нашем городе, и в престижном университете, в котором ты будешь учиться!

Вот тут уже она не только кивнула, но и глаза у нее засветились каким-то странным образом. Или мне показалось, и это были блики от витрины? Но в любом случае я почувствовал искреннюю заинтересованность с ее стороны.

– Вот только мы с тобой понимаем – прямо сейчас ты не сможешь поступить в приличный университет. Оценки плохие, и знания тоже. Но, в отличие от Тимура, в армию тебе идти не надо. Ты можешь найти себе работу полегче, и начать подтягивать свои знания. Я тебе даже помогу найти репетиторов по нужным предметам. И определимся, куда поступать тебе надо. Главное – не делай глупостей. Не пей сверх меры, не води компании с теми, кто тебя хочет просто использовать.

– А мне куда поступать? – спросил Тимур.

– А тебе я бы посоветовал поступать в военное училище, какое уж выберешь, может и в рязанское, где офицеров ВДВ готовят. Только сразу вопрос – что у тебя там за проблема с дыхалкой? Мне кто-то говорил, что она есть.

Тимур поморщился и сказал:

– Да ничего серьезного – просто болею часто, и пневмонии подхватывал уже три раза. Только и всего.

– Ну, если так, то не вижу проблем, – пожал плечами я, – просто закаляться надо. Я вот каждое утро ледяной водой из колодца обливаюсь, сразу здоровье крепче стало.

– Наслышаны об этом... – пробормотал Тимур.

Дальше грузить их не стал – пожелал хорошо провести время на выходных, и пошел домой. Постоянно оглядываясь в поисках братьев Зауровых и держа руку поближе к ломику.

Глава 2

03.04.1971 г. Святославль

Дома я занялся своим бюджетом – вычел потраченные деньги, прикинул, на что хватит оставшихся. Затем стемнело, по весне это дело быстрое, приехал Ахмад, и мы поехали с ним на базу. Никифоровна почти всех отпустила, так что на базе мы были вчетвером со Степаном. Под ее руководством мы вдвоем все споро перетаскали и загрузили в машину. Кроме холодильника – за ним пришлось, когда погруженное отвезли и разгрузили, возвращаться отдельно. Между тем, именно он был для меня главной ценностью. Маме с бабушкой больше не придется упражняться с народными хитростями, чтобы сохранить продукты в свежести – теперь этим будет заниматься профессионально предназначенное для этого устройство. Пузатое и потешное, с точки зрения двадцать первого века, но я помнил, что исключительно надежное.

Остаток дня прошел в приятных хлопотах. Выбирали место для холодильника, для телевизора, для стиральной машины. Ахмад был дома у нас еще часа четыре, заставил маму покрасоваться перед ним во всех обновках. А она этому была очень рада – аж щеки от счастья покраснелись! Женщине приятно быть нужной и востребованной!

Утром во время пробежки Мишка возьми и скажи:

– Послушай, Паш, а мне что-то ничего из того, что ты рассказал про специальности высшего образования, не понравилось. А других толковых специальностей не посоветуешь? Нам на уроках тоже рассказывали, где можно учиться, но и там ничего не зацепило.

Я посмотрел на Мишку внимательнее. Что я о нем узнал за эти недели? Кропотливый, дотошный, немного медлительный. В отличие от Славки, лидерские качества почти отсутствуют. Меня это не сильно смущало, когда я брался ему помочь, их можно выработать. По гуманитарным предметам тянет намного хуже, чем по естественным, хотя и по тем не фонтан. Но это от отсутствия мотивации, я думаю, а не из-за того, что нет способностей. Психовал, опять же, что отца нет. И тут меня озарило. Это сейчас 1971 год, но уже скоро всякие персоналки и Интернеты косяком пойдут. Нужен ли мне кто-то, кто будет в этом прекрасно разбираться, и с кем можно будет потом замутить что-то вроде фейсбука, но только на год раньше? Да и до этого будет много всяких возможностей, которые технарь не упустит.

– Послушай, а что ты знаешь о компьютерах? – спросил я его.

– О чем? – удивился Мишка.

– Э... об электронно-вычислительных машинах!

– А, классные штуки! МИР на фотографии видел. Посмотреть бы его вживую!

– А хочешь не только посмотреть, но и самому научиться делать такие и еще более продвинутые? Представь, пройдут годы, и ты сможешь изобрести персональную электронно-вычислительную машину для каждого советского гражданина! Или участвовать в расчетах полета космического корабля!

Мишка долго не думал. Почти сразу кивнул и сказал:

– Хочу!

Я задумался. Очень хочу иметь в будущем верного друга, способного в программирование и в инженерную науку! Но надо смотреть правде в глаза – поступить с таким уровнем подготовки, что у него сейчас есть, в элитный университет по этим специальностям, наподобие Бауманки, Мишка не сможет.

– Тогда для тебя есть вариант, но он потребует очень серьезной работы с твоей стороны, – сказал я, – специальности, которые тебе нужны, требуют на «ты» знать высшую математику. И в этом году ты не сможешь поступить без подготовки в серьезный вуз. А если ты не поступишь, то осенью пойдешь в армию, где за два года растеряешь и те знания, что еще есть. Значит, что нам остается?

– Что? – замороженно спросил Мишка.

– В этом году ты поступишь не в очень серьезный университет или институт, куда сможешь пройти по уровню своих знаний. А затем ты весь первый курс будешь учиться по шестнадцать часов в день, без передыху, чтобы стать одним из лучших студентов. И потом с этими оценками мы тебя отправим переводиться в один из самых знаменитых университетов, где занимаются электронно-вычислительными машинами. У них много студентов отчисляется на первом курсе, не тянут учебу, и они будут рады талантливому пополнению. Тем более, если им притащишь какую-нибудь интересную собственную разработку, аналогов которой нет.

– Какую разработку? – растерянно спросил Мишка.

– Над которой ты будешь работать часть из этих шестнадцати часов на первом курсе. В такого рода университетах и институтах всегда есть лаборатории, в которых нуждаются в толковых и мотивированных помощниках. Ты же будешь толковым и мотивированным?

– Ну да!

– Значит, договорились! Осталось выбрать подходящий для тебя факультет где-нибудь в том же Брянске, и начнешь усиленно готовиться к поступлению.

Славка во время нашей беседы не встречал, как обычно, о чем-то сосредоточено думал. Подумал вначале, что и ладно, мне самому есть, о чем подумать. Но потом понял, что товарища что-то сильно гнетет. Вдохнул и принялся расспрашивать:

– Ты что такой замороченный и непривычно тихий? Случилось что?

– Да воду таскал Либкиндам с утра...

– У них таскать больше некому? – удивился Мишка.

– Некому... Там, вообще, жопа! Тётя Лена вчера домой не вернулась.

– Как не вернулась? – озадаченно спросил я, спрыгивая с турника. – Случилось с ней что, может? Искали хоть?

– Да, не... не искали, – замялся Славка. – Она записку оставила. Чего уж теперь искать...

– Какую записку? – медленно проговорил я, подумав первым делом о суициде.

– Встретила любовь... Уехала за счастьем... Поймите и простите, – с сарказмом пересказывал Славка.

– Куда уехала?! – возмутился я, – за каким счастьем? Бросив троих несовершеннолетних детей???

– Не понял куда, – усмехнулся Славка. – В какие-то ссаки.

– Саки. Это в Крыму, – на автомате подсказал я. – Но как она могла уехать? У неё же дети!

– Да вот так взяла и уехала.

– Надолго? – спросил Мишка озадаченно.

– Кто ж её знает? Пока любовь не кончится, – вздохнул Славка, начиная подтягиваться.

– Во дела... – удивлению моему не было предела. – Как так можно? Слав, как они там справятся-то теперь? Детей двое маленьких, причем один особенный, ещё дед полупарализованный... За ним одним уходу больше, чем за детьми малыми.

– Прорвёмся, – уверенно сказал Славка. – Где наша не пропадала?..

– Да уж, – пробормотал я. А Славка молодец, не бросает Эмму в трудной ситуации и не унывает. Влюбился в девуку, и ничто не берет эту любовь, любые препятствия преодолевает. Надежный будет, похоже, товарищ. – Уважаю тебя! Если помощь какая нужна будет, обязательно говори.

– Да ладно, – беззаботно отмахнулся он. – Если по правде, даже хорошо, что она свалила. От неё одни проблемы были, вместо помощи, скандалы и нытьё бесконечное. На работу ее, помните, на механический завод устроили, – так она туда два раза сходила и устала, говорит! Перестала ходить – там скандал был страшный. Уволили, и повезло, что не по статье. Хотя ей, такое впечатление, что было плевать. Кстати, Паша, что такое «уволить по статье»? Понимаю, что это плохо, но в чем суть?

– Это когда в трудовой делают запись нехорошую об увольнении за нарушение трудового законодательства, – пояснил я, – с ней потом очень тяжело устроиться на работу – кому такой кадр нужен! М-да, ну и мамаша!

– Ой, да пусть бы в ссаках своих и оставалась! – поморщился Славка.

– Ой, помяни моё слово, она ещё о себе напомним! – возразил ему я. – Вернётся через несколько лет с пустыми руками: дайте попить, детки, любимой мамке, а то так есть хочется, что переночевать негде.

Парни рассмеялись и стали придумывать, как бы они ответили на это нахалке. Что до меня, то я сегодня же попрошу бабушку инициировать лишение родительских прав этой, с позволения сказать, мамашы. Хватит с ней рассусоливать. Все условия ей создали: работай, детей расти. Нет. Ей любовь подавай!..

Вернувшись домой, поспешил выложить новости:

– Ба, у Либкиных опять приключения: Елена с новой любовью сбежала, бросив детей на бабу и больного деда.

– Как сбежала? – ошарашенно спросила меня бабуля. – Она же только на работу устроилась, на учёбу пошла...

– Ну, вот так, – развёл я руками, – сначала работу бросила, а потом и семью. Все наши старания пошли прахом – человек просто такой. Никчемный.

– Надо, чтобы пенсию на Эмму Клара Васильевна получала, – подтянулась к нам мама из своей спальни.

– Да, и на Никитку тоже, – пробормотала бабушка, обдумывая эту новость.

Я был доволен – затравка, данная мной, начала давать результат. Бабушка и мама со всем их житейским опытом начали думать над вариантами облегчения участи брошенных детей.

– Ему инвалидность оформили? – поинтересовался я.

– Да, пришлось. Иначе ясли специальные не давали, – пояснила бабушка.

– Не знаю, интересует ли кого моё мнение, – начал я, вставая из-за стола и опираясь на него руками, – но я считаю, что хватит с ней нянчиться. Надо лишать её родительских прав.

Мама с бабушкой удивлённо уставились на меня.

– Не слишком сурово?.. – неуверенно спросила мама.

– Не слишком. Представьте себе, пройдёт лет пять-десять-пятнадцать, она нагуляется и вернётся сюда! Хорошо, если здоровая и работоспособная. А если инвалидность к тому времени нагуляет или просто пенсионного возраста достигнет, и назначат ей пенсию копеечную из-за отсутствия стажа? Она же сможет через суд Эмму на алименты поставить. И Колю тоже, когда совершеннолетним станет.

– Разве бывают такие алименты? – удивлённо спросила бабушка.

– Если сейчас и нет, так потом будут, – уверенно заявил я. – Семейное право развивается. Все больше юристов считает недопустимым, что выросшие дети не содержат своих старых больных родителей. И это правильно в целом, но не тогда, когда речь идет вот о таких вот кукушках. Которые своих детей другим подкинут, а потом заявятся к ним и потребуют, чтобы за ними ухаживали по полному разряду.

– Ну, вряд ли Ленка до такого додумается... – с сомнением проговорила мама.

– Сама не додумается, так «добрые люди» подскажут. – возразил ей я. – Она же со всякой сволотой якшается, вспомните хоть Кабана ее. И хорошо, если мы ещё здесь будем жить и сможем в суде подтвердить, что она детьми не занималась. А если нас здесь уже не будет? А если Клары Васильевны к тому времени уже не станет? Как Эмма от алиментов на мать отбиваться будет? А так, лишим её сейчас родительских прав и всё. Герман над Эммой опекунство оформит, а Клара Васильевна над младшими. А захочет Ленка вернуться и с детьми жить, так никто ей мешать не будет. Но это ей уроком станет! Нельзя такие вещи с рук спускать.

– Нельзя, – подтвердила бабушка и взглянула на меня так, что я сразу понял, ничего хорошего Елену не ждёт.

Вот и ладненько. Даже если сейчас и не лишат, то, всё равно, разговоры, хотя бы, об этом начнутся. И, рано или поздно, всё решится не в пользу Елены. Особенно, если у её детей финансовые трудности начнутся без причитающихся им пенсий и другой помощи от государства, положенной оставшимся без родителей несовершеннолетним.

Озадачив бабушку с мамой решением вопросов Либкиных, сам я посвятил почти весь оставшийся день работе на чердаке. Ко мне пришел Игнат, и мы с ним за полчаса согласовали все размеры будущей винтовой лестницы. Передал ему деньги на металл – завтра ему обещали его уже доставить, и он потихоньку начнет варить элементы конструкции. Финальная сборка и сварка будет уже у меня дома на неделе – точные сроки Игнат пока назвать не смог, но ясно, что не раньше, чем я вернусь с олимпиады.

Так что вначале я готовил проем для установки лестницы. Затем расширял люк под расширенный проем, чтобы тепло из дома не уходило. Даром, что по календарю уже второй месяц весны идет, 1971 выдался холодным годом, и снег пока насовсем исчезать с улиц не собирался. Немножко уделил времени затем на обществоведение, химию и французский – по полчаса на каждый предмет. Так заработался, что пропустил поход в баню с мамой и бабушкой – ничего, завтра на заводе в помывочную сбегая. Это будет быстрее. Хотя и нравился, мне, конечно, семейный поход в баню, но времени он отнимал немерено – а оно у меня в это воскресенье было на вес золота.

В понедельник мы с парнями уже выходили из школы, когда меня кто-то окликнул:

– Павел! Ивлев! Задержись!

Оказалось, это директор меня звал. Мне не приходилось до этого слышать, как он кричит, и я не узнал его, стоял перед выходом из школы и крутил головой по сторонам, пытаюсь определить в переполненном вестибюле, кому я понадобился. Хорошо, что Игорь Иванович сам подошёл ко мне.

– Завтра олимпиада в Брянске, – сообщил он, отводя меня в сторону от дверей. – Готов?

– Ну, так... – скромно ответил я, хотя готовился в последнее время к олимпиаде даже больше, чем к выпускным экзаменам.

– Ничего. Главное – не волнуйся и всё вспомнишь, – подбодрил меня он, взяв за плечо. – Нам от РОНО выделили транспорт. Собираемся у школы в семь утра. Смотри, не опаздывай! Ехать далеко, неизвестно, что ещё в дороге может случиться...

– Хорошо. Буду к семи, – пообещал я ему, попрощался и вышел из школы.

Парни, Славка, Мишка и Тимур, и Диана, ждали меня в школьном дворе, тесно скупчавшись и что-то возбужденно обсуждая. Увидев меня, Диана рванулась навстречу.

– Что ему от тебя надо было? – взволнованно спросила она.

– Напомнил об олимпиаде по обществоведению, будь она неладна, – сказал я, спустившись с крыльца к парням. – Завтра очередной тур в Брянске. В семь утра отсюда стартуем. Так что завтра без меня.

Все с облегчением выдохнули и вернулись к обсуждению заданий, а я понёсся на завод.

В бухгалтерии царил столпотворение. Протолкнувшись через толпу возбуждённых женщин, сел за свой стол и стал прислушиваться и присматриваться, пытаюсь понять, с чего мне вдруг привалило такое счастье. В прошлый раз такая же толпа была, когда с сапогами разбирались – что в этот раз на кону?

Женщины делили косметику. Откуда она взялась, я так и не понял, но они за неё чуть не подрались. На всех не хватало, выкупить хотели все и всё.

Вспомнились девяностые, самое их начало, как у нас на предприятии на каждый отдел выделяли очень ограниченное количество дефицитных товаров, и мы разыгрывали их. Самое интересное было с обувью. Практически нереально было выиграть нужное. И размер не под-

ходил, и фасон. Мне однажды достались женские туфли, но я ещё не был женат и очень удачно выменял их на мужские в соседнем цеху.

У нас вёлся гроссбух, куда записывали всех выигравших и их выигрыши. Если я уже выиграл женские туфли, то меня в следующий раз к розыгрышу не допускали, пока все желающие не отоварятся. Все были людьми опытными и мудрыми, и понимали, что я их на что-то сменяю для себя полезное.

У моих нынешних коллег такого опыта ещё не было. А страсти накалились нешуточно.

– Дамы, так дело не пойдёт! – вмешался я, когда кого-то довели до слёз. – Пишите свои имена на бумажках. Есть у кого-нибудь вязаная шапка?

– Что ты задумал? – вышла из толпы Ирина Викторовна.

– Будем разыгрывать этот дефицит, – буднично сказал я. – Лотерею устроим.

Женщины быстро поняли идею, разрезали обычный лист бумаги на одинаковые кусочки и принялись писать на них свои имена. И шапка тут же нашлась, держал её в руках, пока все не бросили в неё записку со своим именем.

– А я же за бабушку тут работаю, – пришла мне в голову мысль. – Ирина Викторовна, напишите, пожалуйста, ещё одну записочку с именем Эльвира.

Главбух усмехнулась, но записку мне в шапку бросила.

Попросил Изольду разложить на столе спорные товары: пять помад, две коробочки с тенями, две с румянами и коробочка с духами. Судя по надписям на упаковках, косметика была или импортной, или рижской, я не очень в этом разбираюсь. И не стремлюсь, если честно – пусть женщины сами с этим справляются.

– Итак, мы начинаем! – громко объявил я, как профессиональный аукционист. – Первый лот нашего сегодняшнего розыгрыша помады! Кто будет вытягивать имена счастливлчиков?

Я протягивал всем по очереди шапку, предлагая сделать выбор, но женщины шарахались от меня, как чёрт от ладана. Все боялись, что, если что-то для себя вытащат, их потом обвинят в жульничестве.

– Ладно, давай я, – вышла ко мне Ирина Викторовна. Молодец, доказала, что не зря занимает свою должность – есть у нее лидерские качества, есть!

Она вытянула из шапки первую записку, развернула её и зачитала имя. Тут же раздался радостный женский визг.

– Поздравляю! Возьмите одну помаду, – торжественно объявил я. – Далеко не отходите, будет розыгрыш и всего остального.

– А не жирно будет?! – взвилась вдруг Изольда. – Кто что-то выиграет, дальше не участвует!

– Справедливо! – подтвердила Ирина Викторовна.

– Хорошо, – согласился я. – И верно, так будет правильно. Следующей счастливой обладательницей помады будет...

Все замерли, показалось, что даже дышать перестали, пока главбух разворачивала записку и зачитывала имя. Опять визг ликования на всё правление. К нам начали заглядывать из коридора другие сотрудники.

Мы разыграли всю косметику, бабуле ничего не досталось. Женщины с забавным энтузиазмом начали рассматривать трофеи и меняться.

Главбуху тоже ничего не досталось. Подошёл к ней и встал рядом. Вид у неё не был расстроенным, как у других, которые пролетели.

– Ирина Викторовна. Мне отпроситься на завтра надо. На олимпиаду в Брянск от школы отправляют. Можно? Я в выходной могу отработать...

– Можно конечно, Павел. А что за олимпиада?

– По обществоведению, – скривился я.

– О! А почему тебя отправляют?

– Городскую выиграл. На свою голову.

– Молодец какой! Конечно, Павел, езжай. И смотри, за Святославль там постарайся! А мы все болеть за тебя завтра будем!

Последние две фразы она произнесла громко и с пафосом.

– Девочки! Павел завтра на областную олимпиаду по обществоведению едет! Пожелаем ему удачи!

Надо было видеть выражения лиц моих коллег. Такого восхищённого удивления в свой адрес я ещё не видел. Ни в той жизни, ни в этой. Меня это растрогало. И старый, и битый – а все равно приятно, поди ж ты!

Усмехнувшись про себя, сел за свой рабочий стол, достал ссобойку, включил кипятильник. Как быстро привыкаешь к хорошему, уже не удивляюсь, что моя чашка, вымытая и полная воды, меня ждёт, остается только кипятильник воткнуть в розетку.

Поймал взгляд Изольды и жестом поблагодарил за это. Старается, грехи свои искупает... Подумал, усмехнувшись: ну и пусть.

Быстро, уже привычно, разобрался с текучкой и решил почитать ещё обществоведение. Но потом решил сходить в заводскую библиотеку, взять карту Брянска. В какую больницу Васю перевели, мне доктор сказал. Осталось только найти её. При том, что в Брянске я не был никогда.

Глава 3

06.04.1971 г. Святославль

С утра бабуля меня растолкала в шесть часов. На пробежку не пустила, выдала мне наглаженную белую рубашку и галстук и поставила на стол завтрак.

– Проверь комсомольский значок, не откололся ли, – наставляла она меня. – Возьми, вот, шоколадку с собой, импортную, съешь перед экзаменом.

– Ба, это не экзамен. Это, просто... – я не смог сразу подобрать слова, чтобы успокоить её. Она явно нервничала. И встала, наверняка, давно. Вон, к шести утра уже завтрак готов. И сама уже причёсана. – Это просто соревнования, кто лучше знает предмет. Если не смогу победить, это ни на чём не отразится. Тем более, что в городской олимпиаде я уже победил, а это и так немало.

– Ты совсем не волнуешься? – удивлённо спросила меня бабуля, садясь за стол напротив меня. – В прошлый раз ни спать не мог, ни есть...

– С тех пор много воды утекло... – серьёзно сказал я, глядя ей в глаза и кладя свою ладонь на её. – Ты, главное, сама не переживай.

У школы был даже раньше семи. Нас ждал капотный автобус с крупной надписью «Дети» на обеих сторонах. Школьный автобус из сельской местности сняли ради нас с привычного маршрута.

Когда я был молодым, таких автобусов было много, и они не обращали на себя никакого внимания. Сейчас же я с интересом разглядывал этот гибрид автобуса и грузовика. Проходимость у этих автобусов, должно быть, обалденная. Интересно, куда они делись со временем? Их что, выпускать перестали? Они просто исчезли с наших дорог и всё. Я даже не помню, когда.

В Брянске нас привезли в обычную городскую среднюю школу. Рассадили в актовом зале за отдельные парты, объяснили условия и задания. С собой за парту взять разрешили только ручку и шоколадку. Пацаны и девчонки сидели, потели от страха и перевозбуждения из-за огромной ответственности, возложенной на них школой и родителями. Приятно было чувствовать себя седым ветераном, которому это детское соревнование до голубой звезды после серьезных взрослых переделок, через которые пришлось пройти. Потеть? Волноваться? Блестеть глазками на грани истерики? Вот еще!

Однозначно прикольно было, что взрослых было больше, чем школьников. Возможно, это служило дополнительным фактором, выбивающих детей из колеи. К чему приучила школа – взрослые в классе – это повышенная ответственность и риски. Они учителя, завучи, директора. А когда их столько...

У меня же мысли в голове были совсем не про олимпиаду, всё беспокоилась, как я доберусь до больницы, где Вася лежит. И вообще, удастся ли сбежать из-под присмотра Игоря Ивановича, чтобы вообще до больницы добраться.

С минуту потупил над заданием, отвлекаясь на посторонние мысли, потом поймал обеспокоенный взгляд директора, взял себя в руки и начал писать. Старался сильно не мудрствовать, чтобы особо не выбиваться из общего направления. Но несколько собственных мыслей вставил.

В целом, остался доволен своей работой, нужные темы хорошо знал, иначе и быть не могло. Конституцию я вообще практически наизусть выучил – невозможно работать главбухом или аудитором, если не знаешь хорошо нормативные акты. Сила привычки. А если ты знаешь хорошо нормативку, то в чем вообще проблема грамотно ее истолковать, если тебе на самом деле не шестнадцать, а пятьдесят восемь лет? Учебник по обществоведению давал общие направления, как можно сейчас трактовать Конституцию, да и сам, прожив столько лет в СССР, уже на подкорке помнил, про что можно говорить и писать, а про что точно не стоит.

К примеру, если пишешь вопрос про права человека в СССР, то нужно делать особый упор на социально-экономические права – о них восторженно писать после лично прожитых девяностых мне вообще не сложно. Только в девяностых, хлебнув дерьма, когда система рухнула, все осознали, в чем была истинная ценность бесплатной медицины, квартир в подарок, а не в ипотеку, и прочего счастья, которое в СССР совсем не ценили.

И никто же не мешает мне в силу эрудиции и личных зарубежных поездок тут же написать про негатив, что есть у лишенных этих прав зарубежных граждан, которым не повезло родиться в капстранах? Тоже абсолютно искренне, с глубоким сочувствием к ним. У кого в двадцать первом веке были родственники в тех же Штатах – все знают, что такое счет от стоматолога на шесть тысяч долларов. Или лечение сломанной в двух местах ноги за пятьдесят тысяч.

Я управился немного раньше времени. Остальные участники ещё дописывали. Обернувшись назад, увидел, как затаскивают столовские столы на четыре человека и сдвигают их в один большой стол как на свадьбу. Значит, будет банкет. Значит, сразу домой не поедем. Значит, я могу улизнуть на пару часов в больницу к Васе. Просто замечательно!

Поискал глазами Игоря Ивановича. Он, поймав мой взгляд, подошёл.

– Что-то не получается, Павел? – спросил он. – По правилам, мне нельзя к тебе подходить.

– Я уже готов, – протянул я ему исписанные листки с синим штампом в углу на каждом.

– Всё проверил? – уточнил директор. Я кивнул головой в ответ.

Игорь Иванович подозвал к нам кого-то, у меня забрали мою работу и разрешили встать.

– А банкет надолго будет? – спросил я.

– А что? – удивился директор. – Домой торопишься?

– Нет. У меня друг лежит в областной больнице, с черепно-мозговой травмой, тяжело ему пришлось. Навестить хочу. Можно?

Директор колебался, я видел это, но, в конце концов, он сказал:

– Нет, я не могу тебя одного отпустить.

– Жаль, – ответил я разочарованно. – А если не одного, то можно было бы?

– С кем же из взрослых я тебя отпущу?

– С таксистом, – невинно предложил я.

Надо отдать должное директору, сообщает он быстро.

– Какой таксист? – возразил он мне. – У нас же водитель РОНО полдня уже без дела сидит...

Меня отправили на автобусе. Целый автобус погнали ради меня одного. Игорь Иванович велел водиле меня везде сопровождать и никуда одного не отпускать. Но тот, естественно, высадив меня у больницы, закрылся и лёг дальше спать, предоставив меня самому себе.

Как же я не спросил, в каком отделении лежит Вася?! На КПП узнал, где у них справочная.

Меня чуть не выгнали из справочной, но я им голову заморочил и своего добился.

Отчества Васи не знаю, года рождения не знаю, они, вообще, со мной разговаривать не хотели. Но я их измором взял, сказал, что не для этого я из Святославля ехал, что меня сюда сам директор завода отправил! Они нашли мне Василия Башагина в нейрохирургии, но сказали, что меня к нему не пустят, потому что он без сознания.

А я всё равно пошёл в нейрохирургию. У них в справочной данные обновляются два раза в день, я это ещё по прошлой жизни помню, родственник лежал как-то там с серьёзной травмой. Вдруг Васька уже очухался.

Разговаривать пришлось с заводским отделением. На удивление молодым, ему не было и сорока. Увидев это, я преисполнился надеждой – с такими обычно легче договориться, чем с людьми моего прежнего возраста. Когда ты начальник под шестьдесят, тебя любая неожиданность раздражает, не говоря уже о том, что гибкости мышления уже мало. Легче гнать и не пущать, чем входить в ситуацию, тратя время и нервы.

Заговорил с ним степенно, чеканя слова, сразу прибавив себе возраста в его глазах. Представился представителем комсомола с механического завода. Сказал, что товарищи по заводу очень переживают за здоровье Васи и отправили меня в Брянск, с комсомольским поручением – посмотреть, как у него дела, придать ему сил – приятно, когда ты тяжело болеешь, что о тебе помнят и ждут на рабочем месте. Предложил, если не верит, позвонить директору нашего завода в Святославль.

Сработало!

Ничего не сказав мне лично, он крикнул:

– Авдотья!

Тут же заскочила секретарь, через которую я попал к нему без очереди, вручив ей «тоблероне». Таки пригодился, как чувствовал, когда их покупал!

– Проведите молодого человека к Башагину. У него улучшение стабильное, на десять минут разрешаю.

Заставили надеть бахилы, халат и шапочку, но вот я уже и у Васи.

– Привет, дружище! – сказал я, присаживаясь на стул рядом с его койкой, сам не веря своей удаче.

Аккуратно выложил тоблероне на тумбочку. Вот и еще один пригодился.

Сказать, что он удивился, увидев меня, ничего не сказать. Выглядел он плохо. Я не знал раньше, как выглядит бледный негр, и не рвался узнать. Досталось ему сильно. Он был очень слаб. Но, увидев меня, зачем-то попытался сесть.

– Куда?! Ты что?! – схватил я его за плечи и не дал подняться. – В коме столько пролежал, разве, можно вставать?

– Я давно в себя пришёл, это наши придумали, чтобы меня из игры вывести.

– Понял. А как же меня пропустили?

– А здесь я просто больной.

– Без охраны?

– Какая охрана? – ответил с досадой Вася. – Кому я нужен?

– Не скажи! Кто-то же тебе черепушку проломил. Значит, кому-то нужен.

– Да вот не пойму, кому это надо было? Ничего не придумал.

– Как? Разве ты не обнаружил ничего в катакомбах под цехом?

– Нет. Что я, дятел, что ли, там лазить?

– Вот так так... – пробормотал я. – А что помнишь про нападение?

– И тоже тут ничего! Какие-то два мужика в надвинутых шапках навстречу прошли, лиц почти не видно за шарфами, но ни одного прежде, вроде, не видел. Похоже, как прошли мимо меня, один из них развернулся, и меня вырубил чем-то тяжелым. И это у меня в шапке сотряс, представь, что было бы, если бы шапки не было! А потом раз – и уже в больнице очухался!

– И все же, Вась, ты что-то видел, тебе не просто так по башке настучали. Ваши к какому выводу пришли?

– Ни к какому, – буркнул Вася.

– Что ваши планируют делать?

– Меня вывели! Откуда я знаю?..

– Вась, так нельзя. Получается, что ты зря пострадал? Давай, вспоминай. Слушай! А, может, у тебя посттравматическая амнезия? Забыл, что в день перед травмой было?

– В магазин по дороге домой заходил... – напрягая память, вспоминал он. – Кефир купил и булочку.

– Нет. Это не амнезия, – остановил его я. – Сделаем так. Прогони весь последний рабочий день перед глазами. Кроме булочки и кефира, только то, что на заводе было. Что-то ты сделал, или что-то увидел, после чего на тебя решили напасть. Все, хорош болтать – ничего не видел,

ничего не знаю. Закрой глаза, и давай, вспоминай, буквально минута за минутой. И самое главное – что было в тот день необычно, выбивалось из колеи.

Как ни странно, взрослый милиционер не послал меня, пацана, нафиг. А послушно закрыл глаза и принялся делать то, что я ему велел. Конечно же, по закону подлости тут же вломилась незнакомая медсестра лет тридцати, с необъятным бюстом и бедрами. Взглянув на Васю, сказала:

– Мальчик, ты утомил пациента. Все, уходи.

Чуть ли не вытолкнув ее в коридор, невзирая на огромную разницу в весе не в мою пользу, я зашипел:

– Какой мальчик? Девушка, идет расследование! На кону человеческие жизни! Ждите в коридоре!

И вернулся в палату, захлопнув перед ней дверь. Последнее, что заметил – широко раскрытые глаза ошеломленной медсестры, и любопытство, замершее на ее лице. У меня получилось – она поверила, что я сыщик, и имею право тут находиться.

Вася лежал с закрытыми глазами так долго, что я начал беспокоиться – не заснул ли он туго. Как вдруг он открыл глаза и радостно сказал:

– Ты прав! Было кое-что подозрительное! Просто краем глаза заметил, и тогда не придал значения.

– Ну же, говори! – поторопил его я, посматривая на дверь. Мало ли медсестра все же пошла жаловаться врачу на меня.

– Митька с проходной в нашем цехе появился, я хотел даже пойти поздороваться. Но он как-то, увидев меня, быстро развернулся и исчез.

– Просто зашел и ушел? – спросил я.

– Нет, когда шел к выходу, на пару секунд около Игната и Митрофана остановился. Что-то точно сказал одному из них. И дальше рванул на выход.

Сердце заныло. По-привычному, по-стариковски, несмотря на молодое, пышущее здоровьем, тело. Игнат мне показался хорошим парнем. Родственник Аристарха, опять же – что будет со стариком, если Игнат активно участвуют в хищениях, а я всю эту схему выведу на чистую воду и его арестуют? Блин, хоть бы это был неизвестный мне Митрофан, а не Игнат!

– Митрофана опиши мне, как выглядит! – попросил я.

– Тридцать лет, среднего роста, тощий, с залысинами, родинка на левой кисти руки.

Мне повезло. Именно в этот момент дверь распахнулась и в палату ворвался врач в развевающемся халате:

– Молодой человек, что вы себе позволяете! Медсестру напугали, больному выздоравливать не даете! Я буду жаловаться вашему начальству!

– Не надо жаловаться! – сказал я, вставая и пожал руку врачу, тем самым его обескуражив, – благодарю за содействие, а ты, Вася, выздоравливай! Ребята тебя ждут!

Обратно добрались без проблем. Когда приехали, банкет уже подходил к концу. Я в принципе этого ожидал. Олимпиада школьная. Понятно, что алкоголя не будет. Значит все посиделки много времени не займут. Даже волновался немного, что припоздаем и нас все ждать будут. Но ничего, успели.

Зайдя в актовый зал, пристроился на свободном месте с края стола. Нашел глазами Игоря Ивановича, кивнул ему с благодарностью. Директор кивнул в ответ, на лице его отразилось облегчение. Тревожился, видимо, что отпустил подопечного.

Стол детям накрыли по советским меркам очень неплохой. На столе стояли блюда с остатками бутербродов трех видов, печенье, пирожные, бутылки с напитками, я узнал «Байкал» и «Тархун». Кроме того, на столе были вазы с яблоками и грушами, а также стояли тарелочки с нарезанными апельсинами, что было уже полной роскошью по тем временам, тем более, что на дворе апрель. В это время в магазинах из фруктов можно было только банки с компо-

тами и вареньем найти. Не сезон. Так что расстарались организаторы на славу, показали класс провинции. Это имело эффект, не только дети, но и многие взрослые из сопровождающих были под впечатлением от накрытого стола и активно обменивались восторгами.

Я к еде особо не рвался, хоть времени и прошло много, но адреналин от поездки в больницу и от разговора с Васей пока перекрывал голод. Поэтому я налил себе «Байкала», этого советского аналога кока-колы, и с удовольствием смаковал давно забытый вкус. Цапнул также яблоко и грушу. Если не съем сам, то маме с бабушкой отвезу. Весной свежих фруктов всем хочется.

Как я и думал, вернулись мы уже к самому концу посиделок. Не прошло и пяти минут, как директор школы, которая принимала олимпиаду, встал, произнес короткую торжественную речь, поздравив нас с тем, что попали на областные соревнования, похвалив за интерес к наукам и пожелав успехов, давая тем самым понять, что банкет окончен и пора бы уже и честь знать. После этого все засуетились и начали вставать из-за столов.

Я подошел к Игорю Ивановичу и поблагодарил его уже лично за то, что помог с визитом в больницу. Сказал, что другу уже лучше, и он идет на поправку. Подтвердил, что водитель был со мной все время, не став того подставлять. Зачем наживать врагов на ровном месте, тем более, что его пофигизм мне оказался весьма кстати. Как бы я говорил с Васей, если бы водила над душой стоял!

Что касается итогов Олимпиады, то директор сказал, что мы их узнаем не раньше, чем через пару дней. Ну, я вообще с этим никуда не спешил.

На обратном пути в автобусе обсуждали с директором Тимуром. Разговор как-то сам собой на него перешел, когда я поинтересовался, как братишка мой справляется со своими обязательствами по отработке инцидента в походе. Игорь Иванович с большим энтузиазмом подхватил эту тему, рассказав, что Тимур делает все, что ему говорят по школе, не отлынивает от поручений.

– Вчера он вообще, подошел ко мне вместе с Дианой после уроков и предложил организовать в школе на 9 мая концерт для ветеранов Великой Отечественной! – с восторгом и некоторым изумлением сообщил директор.

Так вот в чем дело. Теперь понятно, почему Игорь Иванович так увлеченно о Тимуре заговорил, – догадался я. И Тимур впечатлил, надо сказать, не стал тянуть с выполнением поручения. Я был уверен, что он дольше будет с духом собираться. Хотя, возможно, не сам он и спешил – а его Дианка в бок локтем толкала.

– Отличное предложение, – ответил я директору, – праздник важный.

– Конечно, – подхватил Игорь Иванович, – на 9 мая мы все равно всегда мероприятия организуем, а тут такая прекрасная идея. И при этом ее предложил Тимур Полянский! Если бы мне кто из учителей рассказал такое, я бы не поверил. Но сам же с ним разговаривал, так что сейчас просто пытаюсь осмыслить всю эту ситуацию и понять, как он так преобразился за такой короткий срок.

– Может угроза уголовки его отрезвила, – предположил я, – понял, что все реально, и он на самом деле может себе жизнь сломать.

– Не знаю, – задумчиво ответил директор. – Характер у него прежний остался. Я же вижу, как он на разные ситуации реагирует. По-прежнему вспыльчив, заносчив, излишне самоуверен. Поэтому я и был удивлен так его просьбой про концерт. Она совершенно в его портрет не вписывается.

– Так что вы решили? – на всякий случай уточнил я. – Разрешили ему этим мероприятием заняться?

– Конечно, разрешил, – энергично кивнул Игорь Иванович, – но наблюдать за ним буду. Удивительно все это.

И, посмотрев на меня, сказал:

– Ты это, Павел, вижу, что равнодушен к своему брату. Но будь с ним поосторожнее, хорошо? Не позволяй втянуть себя в какую-нибудь глупость! Сам посмотри, как у тебя все хорошо идет – не каждый школьник попадает на областную олимпиаду, а ты вот попал. Старайся больше общаться с такими же детьми! А Тимур... Сколько таких пацанов у нас в школе было, всем стремился помочь. Вот только части из них уже в живых нету, а про других плохие новости приходят. Тюрьма, алкоголизм... Так что помогать брату помогай, но будь настороже!

Глава 4

Об апреля 1971 г. Дома у Домрацких-Ивлевых.

Приехали мы из Брянска поздно, дома был около девяти часов вечера.

Мама с бабушкой напряжённо ждали меня, и когда я вошёл в хату, накинулись с расспросами. Попытался успокоить их:

– Понятия не имею, что там будет с этой олимпиадой, результатов ждать несколько дней. Отработал честно, все, что хотел написать, написал. Какую оценку поставят, такую и поставят. Честно скажу, не вижу, как она может отразиться на моей дальнейшей жизни, поэтому особенно не переживаю по этому поводу.

Ага, не подумал, какой будет реакция – подустал с дороги. Тут же пришлось выслушать кучу нотаций о том, как важно выигрывать любые конкурсы школьнику, а уж олимпиады – тем более.

– Смотрите, что у меня есть, – переключил я их внимание на яблоко и грушу, выкладывая их на стол.

– Это вас там так кормили?! – удивилась бабушка.

– Там ещё апельсины были, – подлил я масла в огонь. – Только их все нарезали, не смог вам принести.

Сам фрукты есть не стал, наблюдая за тем, как мама аккуратно делит их на четыре части и откладывает Аришке четверть яблока и четверть груши. У меня сердце сжалось. Конечно, наш ребёнок не голодал, но фрукты мы ей не давали. За неимением оных.

С сожалением вспомнил полные стеллажи с детским питанием из двадцать первого века, разнообразные баночки на любой вкус и цвет...

– Ты только груши ей сразу много не давай, – забывшись, сказал я маме. – Чуть-чуть сначала, посмотри, как организм примет. А то обсыплет диатезом...

Мама кивнула, несколько не удивившись, а бабушка посмотрела на меня с удивлением, но промолчала.

Утром меня ждал сюрприз. На стадионе к нам присоединился Тимур. Вчетвером мы по очереди занимались на турниках и брусьях. С удовлетворением подумал, что моя банда разрастается.

– Что, тёть Лена не передумала? – спросил я Славку. – Домой не вернулась?

– Нет. И не надо. Так тихо стало в доме, спокойно...

– А куда она делась? – заинтересовался Тимур.

Он совсем был не в курсе, мы на пару со Славкой объяснили ему вкратце ситуацию. Начиная с ситуации, которая с Кабаном была, и заканчивая перипетиями с мамашей Эммы.

– Это та девчонка, что в поход с нами ходила? – припомнил он.

Брат был очень удивлён, можно сказать, потрясён. И совсем другими глазами стал на Славку смотреть. Уважительно!

– Эх! Я бы этого Кабана!.. – приговаривал он. – Эх! Я бы эту мамашу...

– Ты бы да-ааа! Дров наломал! – с усмешкой сказал я и укоризненно покачал головой. – Тут по-взрослому надо, по закону. Лишать её родительских прав по суду...

– Как это? – опешил Славка, спрыгивая с брусьев и подходя ко мне. – А так можно?

– Всё можно, Слав. Было бы желание.

– Я скажу Кларе Васильевне. А то она переживала за пенсию по потере кормильца. Там же семья получает, и дети, и жена... Я не всё понял, но там какие-то трудности с пенсией на Эмму.

– Если что, к бабушке моей пусть идёт, она подскажет, куда с этим за помощью обратиться. И если у них совсем хреново с деньгами будет, не молчи. Придумаем что-нибудь. Не голодать же старикам и детям...

– Хорошо, – благодарно кивнул головой Славка.

– Если совсем припрёт, можно будет сбор продуктов организовать. Как сбор макулатуры. Кто что может, – предложил Мишка.

– Ну, это на крайний случай, – усмехнулся я. – Лучше, мы подработку какую-нибудь найдём.

Да, у меня сейчас, по меркам моего возраста, было еще полно денег. Даже после покупок на базе Никифоровны. И я мог бы кормить все семейство Либкиных этак с годик, особенно не напрягаясь. Но это бы никуда не годилось. По сути, я бы приучил Славку и Эмму, что можно жить на мои подачки. А так лидера из Славки не сделать, только ведомого, который будет преданно заглядывать в глаза щедрому другу, ставшему, по сути, хозяином. А что – кто кормит, тот и хозяин. Нет, нужно приучать их пускать в ход мозги, искать, где заработать, и рассчитывать на себя. На друзей тоже, но не как на спонсоров, а как соратников, готовых вместе пахать, чтобы помочь друг другу. Только при такой модели пацаны, заботу о развитии которых я взял на себя, чего-то добьются в жизни.

Тимур слушал нас, открыв рот. Надо отдать должное Оксане, его матери, Тимур и Диана выросли в семье хоть и не полной, но вполне благополучной. И взрослая сторона жизни их обоих, похоже, пока не касалась, Оксана как могла оберегала детей. Возможно, даже чрезмерно – учитывая хулиганские замашки брата и сестры на момент, когда я их встретил.

– Я с вами, – вдруг сказал Тимур. – Если надо будет на подработку... – добавил он в ответ на наши недоумённые взгляды.

– Куда тебе ещё подработку, брат? – сказал я, благодарно кивнув в ответ на высказанное желание. – И так загружен по самую макушку и в школе, и в больнице. Но в любом случае спасибо за готовность помочь!

Вспомнив наш разговор с директором вчера, добавил:

– Кстати, Самойлов тебя очень хвалил. С олимпиады вчера возвращались, говорит, ты и к отработке ответственно относишься и уже с ним договорился насчёт концерта для ветеранов.

– Да, это не я, – смутился Тимур от похвалы. – Это Дианка меня к директору потащила...

– И она молодец.

Побежали срочно по домам – заболтались, едва в школу не опоздали.

В школе весь день готовились к экзаменам, только на астрономии немного отдохнул. После НВП остался на двадцать минут в стрелковом клубе. Ну надо же пострелять хоть чуть-чуть.

Потом бегом побежал на завод. И все равно на пять минут опоздал. Блин, неудобно как!

Повезло – в бухгалтерии было тихо и пусто. Главбух куда-то вышла. В кабинете сидела одна Изольда.

Спокойно перекусил, неспешно раскладывая путёвки.

– Павел, – вдруг пододвинула ко мне свой стул Изольда. – Как олимпиада прошла?

– Нормально, – ответил я, совсем не заметив у неё реального интереса.

Что ей надо?

– У меня сын в седьмом классе учится, – перешла, наконец, к делу Изольда. – Я одна его ращу... – она замялась. – Учиться совсем не хочет... Говорит, он не зубрила, пятёрки – это позор... Я не знаю, что с ним делать. Поговори с ним, пожалуйста. Ты же и учишься хорошо, на олимпиады ездешь, и люди тебя уважают, – и уставилась на меня с мольбой и надеждой.

Не сказать, чтобы я вдохновился из-за такой просьбы. И что я скажу её бестолковому сыночку? Нет, если знаешь человека, можно подобрать нужные слова, мотивирующие или манипулирующие. Но я-то этого недоросля даже не видел никогда. Да и возраст самый козлийный – когда организм требует бунтовать против любого авторитета.

Изоolda мне казалась такой прямолинейной, нахрапистой, я бы даже сказал, нагловатой. А тут, поди ж ты, с подростком справиться не может. Небось, всю жизнь ему в попу дула, вместо того, чтобы в строгости воспитывать. И так бывает!

– Даже не знаю, что вам сказать... – честно ответил я ей. – Надо подумать.

Уселся, подперев подбородок руками. Изоolda отнеслась со всем вниманием к моей просьбе. Затихла так, что словно и исчезла из моего поля зрения. Даже дышать, похоже, перестала. Ниндзя прямо.

Через минуту я придумал план и изложил его:

– Давайте, вы его пригласите сюда после школы под каким-нибудь правдоподобным предлогом, например, что-нибудь тяжелое помочь вам в кабинете передвинуть. Мы с ним тут пообщаемся в неформальной обстановке, может, и серьёзно поговорить получится. Только придумайте, что он двигать будет, чтобы правдоподобно все было. И чур – мой стол не переставлять!

Изоolda обрадованно кивнула головой и вернулась на своё рабочее место. Глаза у нее блестящие, видимо, продумывала уже будущую перестановку в кабинете. Главное, чтобы не увлеклась.

А я посидел ещё немного, разнёс путёвки по ведомостям и пошёл в гараж к Игнату, уточнить, всё ли у нас с лестницей идёт по плану, когда мне его ждать. Надо вести себя как ни в чём ни бывало. Не могу же я резко прекратить с Игнатом общение из-за того, что он с Митрофаном этим болтал и в цехе этом подозрительно работает. У меня в голове никак не вязался образ внука Аристарха с какими-то мошенническими операциями. Старался объективно все оценивать, но чуйка твердила, что Игнат в этой грязи не участвует.

Нашёл Игната быстро. Вышли с ним покурить. Это местный ритуал – когда кто-то приходит, это прекрасный повод выйти покурить.

– Что, про Ваську слышно что? – спросил он меня.

– Увезли из города куда-то в состоянии комы, – ответил я, не говоря ему правду. Не зря же ОБХСС шифруется. Интуиция – это хорошо, но на воду лучше подуть.

– Да... Вот досталось негру... – пробормотал Игнат.

– Как у тебя с лестницей? – перевёл я разговор.

– Да, всё готово.

– Сегодня тебя ждать?

– Вроде, договорился с машиной... Ну, будь вечером дома, короче, – не стал ничего обещать Игнат.

Не стал больше задерживаться у него, решил, что Галия более подходящая сейчас компания. Тем более, она сейчас одна, Сатчан в отпуске, мало ли ей помощь какая нужна.

Комитет комсомола был заперт. Но когда я подёргал за ручку двери, изнутри послышался какой-то звук, как будто уронили на пол что-то небольшое. Там кто-то был.

– Галия! Ты там? – постучал я в дверь.

А в ответ – тишина. Но я же слышал!

– Галия! Открой! – заволновался я и стал стучать в дверь кулаком.

Если бы дверь не открылась вскоре, я бы её вышиб. Мало ли, может у нее какие проблемы со здоровьем! Мало мы совсем еще встречаемся, ничего еще о ней, практически, не знаю!

Галия открыла, наконец, дверь и испугалась, увидев меня. Отодвинув её, я вошел в кабинет. Там никого, кроме нас, не было. Кабинет Сатчана тоже был пуст.

– И что ты закрылась? – спросил я удивленно.

Вид у неё был странный. Возбуждённая, зрачки расширены...

Да что тут происходит?! Не проверять же шкафы, в конце концов, в поисках любовника.

– Галия! – воскликнул я, начиная терять терпение. – Что с тобой?

Она молчала, отстранённо глядя на меня.

Вдох-выдох, вдох-выдох...

Ещё раз осмотрелся. На её столе лежала целая груда знакомых коробочек.

– Откуда у тебя столько косметики? – удивился я. Мои бухгалтера чуть не передрались из-за пяти помад. А тут и помад была целая упаковка, и всего остального столько же.

Взял в руки одну коробку, там было двенадцать штук маленьких коробочек с помадами.

– Не трогай! – выхватила их у меня из рук Галия стремительным движением. – Это моё!

Я смотрел на неё и не узнавал. Враждебно глядя на меня, она сгребала на столе в одну кучу все разрозненные коробки и коробочки, обнимая их.

– Ты чего? – тихо спросил я. – Не нужны мне твои помады.

– Не дам! – чуть не плача, вдруг сказала она. – Не могу... Моё.

– Да, что происходит? Галия!

Она разрыдалась.

Хорошо, у Сатчана на втором столе графин стоял с водой и стаканы. Пришлось умыть подругу. Хорошо так, от души. А то она явно не в себе.

Водичка помогла, Галия очухалась. Начала путанно излагать, что тут произошло. Когда все понял, еле удержался от того, чтобы дико заржать. Не та ситуация, не поймет. Задушил смех внутри колоссальным усилием воли. Аж слезы на глазах выступили.

Выяснилось, что в отсутствии Сатчана она вынуждена была взять на себя все его обязанности, в том числе, и распределение среди комсомольских активистов добытых каким-то образом дефицитных товаров. Надо будет, кстати, выяснить, откуда взялась эта косметика и куда пойдут деньги, собранные с работников за неё.

Может, у нас с Элишкой свой уровень фарцовки – чемоданный, а у руководства свой – контейнерный?

Получив в профкоме порцию косметики на всю комсомольскую молодёжь завода, Галия закрылась с ней в комитете комсомола и никому ничего не дала.

Руки дрожали, глаза горели, когда она перебирала свои «сокровища», не в силах расстаться с ними. Девчонка никогда в жизни не видела столько дефицитных товаров сразу. У неё конкретно башню сорвало.

– Солнышко, надо распределить всё это, – попытался достучаться до неё я. – Люди знают, что ты получила и сколько. Люди ждут.

– Не могу, – простонала она.

И что мне делать? Сатчан, тоже блин, хорош! Как можно было оставить неокрепшую детскую психику один на один с таким соблазном?

– Быть у колодца и не напиться?.. – пробормотал я, раздумывая, как и Галию косметикой обеспечить, и сделать так, чтобы девчонка не опозорилась, зажав распределение дефицита у всего завода на виду. По-любому, с неё спросят. Не профком, так Сатчан. – Давай, так сделаем. Ты возьми себе всего по одному. А остальное распредели.

– А маме? – сквозь слёзы спросила Галия.

Ну, начинается... Давай, и маме, и моим, и Дианке... До завода, точно, ничего не дойдёт.

– Нет. Только тебе, – отрезал я, чувствуя, как заражаюсь от неё ажиотажем.

Она покорно кивнула, сразу как-то обмякла и начала открывать коробочки одну за другой. Хорошо, что я у нее в авторитете. Яркие цвета, алые, розовые, красные я сразу отбраковывал. Розовые румяна тоже.

– Дорогая, тебе же не боевой раскрас наносить. Бери более спокойные цвета.

Румяна мы так и не выбрали, не из чего было. Отложили ей одну помаду, одни голубые и серые тени и одни духи.

Она старательно записала этот расход.

Оставшуюся косметику мы разделили по цехам, службам и отделам пропорционально количеству человек. Списки комсомольцев у неё были, мне оставалось только сложить их коли-

чество. Взяв эту сумму за сто процентов, высчитал кому чего и сколько причиталось и с кого сколько денег надо будет потом стрясти.

– Береги этот список, как зеницу ока, – наказал я подруге. – Ты потом по нему будешь в профкоме деньгами отчитываться.

Каждую кучку косметики снабдил описью и, пока Галия опять не взбунтовалась, быстро помог ей разнести по заводу всё это барахло и раздать комсоргам подразделений. Что они дальше будут делать, не наше с Галкой дело. Главное, чтобы деньги потом сдали.

Избавившись от дефицита, Галия заметно повеселела и вернувшись налегке в комитет комсомола принялась смаковать новый парфюм.

Слава Богу, вернулась моя Галия-проказница. Но надо иметь в виду эту ее особенность. В будущем может оконфузиться. Кто бы мог подумать, что так сорваться способна от простого в сущности соблазна. Можно себе репутацию на всю жизнь загубить, однажды просто не устояв перед очередным дефицитом. Подумаю, как ее потренировать. Надо придумать, как помочь ей эту тягу контролировать.

Пока уговаривал Галию расстаться с дефицитом, пока разделил косметику между подразделениями с составлением списка, пока разнесли её, уже и рабочий день закончился. Вернувшись в бухгалтерию, Изольду уже не застал. Заглянул к главбуху поздороваться. Да и проверить, не злитесь ли, что я вчера отсутствовал, да и сегодня куда-то пропал.

– О, Павел! Как успехи? – улыбаясь, спросила вместо приветствия Ирина Викторовна. – Всех победил?

Фух! Все нормально! Главбух не злится.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Результаты позднее объявят.

– Что ты такой замученный?

– Косметику, что на комитет комсомола выделили, по цехам разносили. Кстати, а кому деньги за неё потом сдавать? – решил я прощупать почву.

– В профком отнеси, они там разберутся, – подсказала главбух, не сообщив ровным счётом ничего интересного.

– А откуда такая роскошь взялась? – зашёл я с другой стороны.

– Снабженец выменял на что-то, – легкомысленно взмахнула рукой Ирина Викторовна.

– На что на «что-то»?

– На оборудование какое-то.

– И как же теперь? Оно же за нами числится?

– Списали уже.

– А деньги собранные куда? И как стоимость каждой единицы товара определили?

– Павел, – взглянула на меня с недоумением Ирина Викторовна. – Кто из нас главбух?

Понял. Заткнулся. Прошу прощенья, погорячился, был не прав. А если серьёзно, то фигня всё это, что вы мне тут рассказали, уважаемая главбух.

Тут в коридоре послышались шаги и к нам заглянула Галия.

– Я пойду? – тихонько спросил я Ирину Викторовну, показывая глазами на подругу.

– Иди уже, – разрешила она, улыбаясь.

Проводил Галию и помчался на всех парах домой, вдруг Игнат пораньше сможет приехать. Но его ещё не было, когда я появился. В хате стоял стойкий аромат духов, которыми только что наслаждалась моя Галия.

Мама тоже притащила с завода духи.

Только успел переодеться и попить чаю, как приехал Игнат. Тут же занялись с ним лестницей. Игнат проверил расширенный мной лаз, вымерял все еще раз, остался моей работой доволен. Установили с ним опорную трубу и начали размечать на ней расположение по высоте будущих ступеней, закладывая еще и место на поворот. Работа была очень кропотливой, так как надо было рассчитать так, чтобы ступени удобно заходили наверх и при этом находи-

лись на правильном расстоянии друг от друга, чтобы не было зазоров, а то так и ноги поломать можно, неудачно зацепившись при спуске или подъеме.

Пока занимались измерениями и выставлением меток, решил прощупать почву по Митрофану.

– Слушай, – сказал Игнату как бы между прочим, – работа кропотливая, много времени займет, а потом еще и сварки вагон понадобится, когда уголки делать будешь. Может еще кого попросить? Я тут видел у вас в цеху как-то мужика, тощий такой, с залысинами, ловко так со сваркой управлялся. Может предложить ему подработку? В два раза быстрее все сделаем.

– Это ты Митрофана имеешь в виду? – сразу догадался Игнат, кого я описал, – забудь, к нему с этим бесполезно обращаться. Он в деньгах не стеснен, где-то подрабатывает видимо, причем очень хорошо. Постоянно хвастается, что по ресторанам ходит, шмоток импортных у него много, а ты сам знаешь, сколько они стоят и как трудно достать. Но никому не говорит, падла, что за подработка у него. Жадный жуть.

– Может, врет просто, – кинул я еще затравочку, – красуется перед вами, а на самом деле просто шмотки кто-то из родственников подбрасывает.

– Да нет, – не согласился Игнат, – мы с мужиками обсуждали, тоже думали, что может врет, но деньги у него реально водятся, в ресторане его видели не раз, а самое главное, с девушками он встречается красивыми. Прямо реально красивыми. Сам же он, ну ты видел, ни кожи ни рожи, но выбирает баб себе одну краше другой.

– Да, бывает же, – неопределенно протянул я.

Ситуация выстраивается интересная. Вот я почему-то уже уверен, что с мошенниками Митрофан связан точно. А Игнат, похоже, и правда не замешан. Но расслабляться пока не будем...

– Помощь – то, конечно, нам не лишней была бы, – продолжал между тем рассуждать Игнат, – но ничего, понемногу справимся. Один-два дня тебе погоды все равно не сделают.

– В принципе да, – согласился я, – просто на всякий случай спросил.

Глава 5

07 апреля 1971 г. Дома у Домрацких-Ивлевых.

Игнат с нескрываемым энтузиазмом работал. Я ему помогал по мере сил. Естественно, от него проку было гораздо больше, чем от меня. Мастеровой человек это не бухгалтер. Там, где я знал, что делать, но мне на это требовалось несколько движений, он управлялся одним, отточенным за годы до совершенства.

Наработавшись, уселись с Игнатом за стол передохнуть. Бабуля тут же подсуетилась с чайком и пирожками и села напротив, подперев рукой щеку.

– Кстати, ба, Игнат, племянник Аристарха, – доложил я, но бабуля, похоже, и без меня это знала.

– Как там старый? – спросила она Игната.

– Нормально всё, вроде. Внучку замуж выдаёт скоро. Вроде... – доложил тот. – Непонятки какие-то с женихом были, но сейчас, надеюсь, всё нормально.

– Что за непонятки? – влез я в разговор. Я-то представляю, о чём речь. Но хотелось узнать, что люди об этом говорят.

– Ой, я не влезал. Вероника у нас девка с норовом, взбрыкнула что-то... Кто бы удивлялся! Разве что тому, что раньше не взбрыкнула...

Ну хорошо. Никто никому ничего не объяснял. Может, оно и к лучшему. Авторитет Ивана в глазах семьи и общественности не пострадал. Вполне можно карьеру сделать попытаться, воспользовавшись таким фактом в своей биографии, как находка и сдача огромной суммы похищенного Цушко. Тем более, как оказалось, он не так уж и прост, как я сперва подумал, прочитав в газете, что он кубышку завбазы государству сдал.

Игнат ушёл. Бабушка хлопотала по хозяйству. Мама возилась с Аришкой. А мне не давала покоя эта чёртова косметика.

– Ба, а реально списать оборудование на заводе, а потом обменять его на импортную косметику? – спросил я.

– На нашем заводе всё реально, – проворчала бабушка. – Как-то снабжение напутало, не ту номенклатуру заказало. Вместо стеклопластиковых труб пришли стеклянные...

– Да, ладно! – изумился я. – И что, возврат делали?

– Держи карман шире! – усмехнулась бабуля. – В подвале лет пять продержали и списали.

– А по факту куда дели?

– Расколотили и на помойку вывезли.

– Разбили? Зачем? Их же можно было в дело пустить, – поразился я такой бесхозяйственности. – Людям бы раздали.

– На кой они людям? – недоумённо взглянула на меня бабушка.

– Нашли бы... – проворчал я. – У нас через одного не Левша, так Кулибин.

Тут хлопнула входная дверь, раздался робкий стук и в хату заглянула Клара Васильевна, бабушка Эммы.

– Можно? Не спите? – спросила она.

– Заходи Клара. Что случилось? – обеспокоилась бабушка.

– Мне не дают мальчишек под опеку, – с отчаяньем в голосе проговорила гостья. – Говорят, возраст, дед инвалид...

– А Герману Эмму дают? – уточнила бабушка.

– Да, у них всё нормально. Я ходила сейчас к ним посоветоваться, Валя одна дома с детьми, Германа ещё не было. Не знаю, что делать!

– Без паники, – отрезала бабушка. – Безвыходных положений не бывает. Дети с кем, с Эммой?

– Да.

– Давай-ка, чайку попью. Ты успокоишься, – начала бабушка опять выставлять на стол чашки и пирожки. – Утро вечера мудренее. Что-нибудь придумаем...

– Эмме ещё три года до совершеннолетия... – пробормотал я, просчитывая в уме варианты.

— Два с половиной, — поправила меня Клара Васильевна.

– Всё равно, много.

Тоже налил себе чаю и уселся за стол с бабушками. Все молчали. В голову ничего не приходило. Клара Васильевна совсем расстроилась, и подбодрить её было нечем. Ситуация тупиковая.

В сенях опять что-то загремело. Мы обернулись. В хату вошёл Герман.

– Извиняюсь, – буркнул он. – Эмма сказала, что Вы сюда пошли, – обратился он к Кларе Васильевне. – Что у вас тут за совет в Филях?

Я с досадой махнул рукой, вставая и здороваясь с ним.

– Проходи, четвёртым будешь, – попытался пошутить я, но получилось не смешно.

– Ну, что Вы раскисли!?! – сходу переключился Герман на Клару Васильевну. – Всё будет хорошо! Мы с Валею посоветовались, мы всех троих под опеку возьмём!

Во как! Молодец Герман! Прямо отлегло.

Как бывает... Он младших детей вообще своими не считал, и по сути ведь так и есть. Однако ж... Удивил, так удивил.

– Спаси-иийбо! – расплакалась Клара Васильевна.

– Взаправду опекать их даже не надо будет. Как жили, так всё и останется, – моментально сориентировалась бабушка. – Главное, чтобы в детдом детей не уехали.

Молодец, Герман, хороший он человек!

– Опека может быть против, – неуверенно вставил я. – Хотя, всегда можно сказать, что они просто пошли бабушку с дедушкой навестить.

– Разберёмся, – уверенно заявил Герман. – Надо будет, к себе всех детей заберём. Вы, только, – обратился он к Кларе Васильевне, – узнайте всё, куда нам сходить, что подписать. Ладно?

– Конечно, Герман. Спасибо тебе за всё.

– Да не за что, пока что! – небрежно отмахнулся он, попрощался с нами и ушёл.

Клара Васильевна допила чай и тоже ушла, пожелав нам спокойной ночи.

– Вот, так... Чужих детей не бывает, – удовлетворённо сказала бабушка. – Сказать по правде, я от него не ожидала. Он терпеть Ленку не может, думала, и детей её тоже.

– Сдаётся мне, что это не Германа больше, а Валю надо благодарить, – ответил я, усмехнувшись.

Ночь прошла спокойно. Утро тоже.

На истории директор мимоходом сообщил классу, что я участвовал в областной олимпиаде по обществоведению в Брянске, ждем результаты. Но, предварительно, ему шепнули, сейчас решается вопрос, стану я победителем или призёром. То есть, призёр точно. Ну, ни фиги себе. Сам не ожидал. Похоже, хорошо подстроился под почти позабытые реалии молодости. Под восторженное улюлюкание класса я привстал с места и деланно скромно поклонился в разные стороны.

После уроков всей нашей бандой, включая Диану, спустились вниз и направились к раздевалке, как вдруг Диана резко остановилась, и я налетел на неё, слегка толкнув.

– Ты чего тормозишь? Аварийную ситуацию создаёшь, – подхватил я её за локоть, чтоб не упала.

– Отец... – кивнула она головой в сторону стола дежурной у входа.

У стола стоял высокий мужчина, в чёрном приличном пальто, с небрежно болтающимся на шее дорогим кашне и норковой шапкой-ушанкой в руках. Начавшие сесть на висках черные волосы аккуратно подстрижены. Образ дополняли дорогие очки в тонкой металлической оправе.

Тимур и Диана буднично подошли к нему. Тимур поздоровался за руку с отцом. Я подошёл следом, с интересом разглядывая отца, и протянул ему руку.

– Здравствуйте, дети, – сказал он, широко улыбаясь, но в глазах его было удивление. – Всю дорогу мучился, как вам рассказать про то, что вы все трое мои дети? А вы сами уже всё знаете. Молодцы, что сказать!

Батя... Так, вот ты какой. Молодой был, наверняка, красавчик. Не сказал бы, что у него уши лопухие. Похоже, это у меня по линии Домрацких. Так сказать, улучшение породы. Чтобы лучше слышать, если захочу вдруг одичать и стать хищником.

– Ну, привет... – пробормотал я.

Сколько раз я представлял себе, как спрошу у него, как так получилось, что у него одновременно было две семьи? Как так, папа?!

А сейчас, глядя на него, подумал, что и так всё понятно. Любимец и любитель женщин... Ухоженный, модный, явно уделяющий своему внешнему виду и образу в целом много времени, сил и денег. Видал я таких... коллекционеров.

Отец держал на согнутой руке аккуратно сложенное пальто. Взгляд сразу зацепился за идеальные стрелки на его брюках. И рубашка... накрахмалена, что ли? Господи, кто ж ему рубашки-то крахмалит? Да он женат!

– Ну что, пойдём в кафе? – спросил отец.

– Ну, пошли, – согласился Тимур и пошёл в раздевалку одеваться.

Диана пожалала плечами и пошла за ним.

Что же мне делать? И с отцом хочется пообщаться и на работу надо.

В школе же есть телефон! Быстро переобулся и с курткой в руках понёсся в канцелярию. Быстро дозвонившись до главбуха, отпросился на час-полтора, объяснив всё как есть. Как хорошо, что телефон бухгалтерии догадался себе записать.

Не стал отсвечивать в вестибюле и вышел во двор всех ждать. Отец вскоре вышел за мной, на ходу надевая пальто.

– Вот, держи, – протянул он мне мужские наручные часы. – Целый месяц ждал, пока в мастерской стекло найдут.

Вот, значит, куда дедовы часы делись. Я покрутил их в руках. Думал, раз дед был офицером красной армии, то и часы были командирские, а это оказались какие-то раритетные. Может, даже, дореволюционные. Надо будет с лупой обратную сторону внимательно рассмотреть, там на крышке явно что-то есть... Очень мелким шрифтом...

– Что ты их так изучаешь? – усмехнулся отец. – Как первый раз увидел.

– Интересно же, – ответил я. – Какого они года выпуска?

– Понятия не имею. У бабки своей спроси.

Мне очень не понравилось, каким тоном он это произнёс.

– Ты что-то против бабушки имеешь? – спросил я, глядя на него в упор.

– Да чёрт с ней... – небрежно ответил он. – Комиссар в юбке...

– Она войну прошла, – возразил я.

– Всю жизнь всех строила. И дома, и на службе... – с досадой сказал отец. – Даром, что баба. Подполковником в отставку ушла, дальше служить не захотела. А так бы, наверное, и до генерала дослужилась бы. А? Генеральским внуком был бы! – хлопнул он меня по плечу.

– Кто подполковник? – не верил я своим ушам. – Бабушка?!

– Ты как с Луны свалился... – с подозрением глядя на меня, заметил отец. – Как будто не знаешь... Она пять лет только как в отставке. Всё твоё детство в форме проходила. На службу на завод тебя таскала...

– На наш завод? Механический? – неуверенно переспросил я.

– А на какой ещё?

– И кем она на заводе служила?

– Военпредом, – пожал плечами отец и взглянул на меня как-то странно.

Ох, что-то палюсь я по полной программе! Но ведь любопытно так что-то новое узнать, что приходится расспрашивать подробно!

Из школы вышли Тимур и Диана, и мы все вместе направились в кафе-мороженое. Ноги заплетались, шёл позади всех. Вспомнилась женская шинель в сундуке в сених, рассказ бабушки про какие-то детали для танков, которые завод когда-то выпускал... Военпред... Подполковник... Ба-буш-ка... Мозг с трудом переваривал эту информацию.

В кафе отец предложил нам заказывать всё, что хочется. Широким жестом оплатил нам по мороженому, пирожному и молочному коктейлю. Он был очень доволен тем, что мы в курсе, кем приходимся друг другу, дружим и держимся друг за друга. С интересом выслушал историю, как мы узнали о своем родстве.

Мне бы, честно говоря, очень хотелось бы узнать, почему он сам раньше нас не просветил на этот счет. Встречался же с нами неоднократно. Но спрашивать сейчас об этом было бы немного не в тему. Да и рискованно. Не знаю ведь точно, вдруг Пашка имел какие-то разговоры с родителем раньше. Я и так чутка спалился сегодня, пока про бабулю расспрашивал. Не буду усугублять. Может позже момент подходящий появится.

– Вас каждого на кафедре придётся представить, как моего отпрыска, чтобы проблем с поступлением не было. Коллеги советовали заранее вас к этому подготовить... Всё-таки, на одном потоке учиться будете... – тем временем радостно делился с нами отец.

Он сбавил темп и озадаченно поглядывал на нас. Ни я, ни Тимур с Дианой особого энтузиазма не демонстрировали, вежливо слушали его, ковырялись в мороженном и только.

– Я в военное училище хочу поступать, – прервал затянувшееся молчание брат.

– А я на заочное отделение к тебе, если не возражаешь, – добавил я. – Со мной ещё друг хочет...

– Надо обсудить, конечно, – сказал озадаченно отец.

У меня появилась идея насчёт будущего сестры и я сказал:

– Отец, если Тимур не пойдет в Горный институт поступать, то, может, ты Диану сможешь проташить на его место? Оценки у нее такие же, как у Тимура. И тогда...

– А я ещё не решила, куда пойду, – перебила меня Диана. – Мне уезжать из Святославля не хочется.

– Почему? – ошарашенно спросил отец.

– Мама совсем одна останется, – ответила ему Диана таким тоном, типа, и сам мог бы догадаться.

– Ну, да... мама, – пробормотал отец.

* * *

Тарас переводил взгляд с одного своего ребёнка на другого и удивлялся, как же они повзрослели! Всего полгода их не видел и сейчас с трудом узнаёт.

Они объединились, они дружат и поддерживают друг друга. Это просто невероятно, учитывая, что их матери друг друга терпеть не могут.

А как они рассуждают! Как взрослые, ответственные люди. Особенно Пашка. А ведь Тарас гордился всегда больше Тимуром. Никогда не делал на Пашку ставку и, видимо, напрасно. Похоже, он – тёмная лошадка...

* * *

– Бать. Ба-аать! – пытался я привлечь внимание отца, глубоко задумавшегося о чём-то. – Какой балл нужен, чтобы на заочное поступить?

– Да, какой балл?.. На заочку ты уже, считай, поступил, – ответил отец. – Я думал, вас всех на дневное устраивать надо будет... А одного, да на заочку... Вообще плёвое дело!

Во разоткровенничался. Это что же, его напрягало наше поступление на дневное? Хоть бы не признавался.

– А с военным училищем Тимуру можешь помочь? – спросил я отца.

– Не знаю. Это ж заниматься вопросом надо было. По знакомым поспрашивать... А в какое ты хочешь? – спросил он Тимура.

– В Рязанское ВДВ-шное, – подсказал я, и брат утвердительно кивнул.

– Ничего не обещаю... – проговорил задумчиво отец.

За столом опять повисло неловкое молчание.

– А ты, что же на заочку собрался? – спросил он меня. – В армию по здоровью не пойдёшь?

– Почему не пойду? – удивился я. – Пойду, конечно!

– Не смей! – отец с ухмылкой посмотрел на меня. – Кто ж тебя отпустит?

– В смысле? А кто меня может не пустить? – не понял я.

– Бабы твои. Мать с бабкой.

– Да ладно... Им не до меня сейчас.

– Что так?

– Инна учёбу завалила, малышка болела постоянно. Она её нам отдала, пока учёбу не закончит. Кстати, хочешь внучку посмотреть? Хорошенькая... – ткнул я его локтем в бок. Он в ответ взглянул на меня как-то испуганно, я вообще, не понял, чего он...

Мы опять замолчали.

– Кстати, бать, а при твоём институте общага есть? – решил я уточнить детали поступления. – Где мы со Славкой остановимся в Москве, пока поступать будем?

– Хату снимем, – небрежно ответил отец. – Зачем вам общага?..

– Я тоже хочу с вами в Москву, – капризно заявила Диана. – Но погулять, а не поступать.

– Тогда, и я с вами, – сказал вдруг Тимур. – Погулять.

– Большую хату снимать придётся, бать, – ухмыляясь, сказал я, наблюдая, как вытягивается у него лицо.

– Ну, значит, снимем большую, – пафосно ответил он, тем не менее. Молодец, держит марку успешного и богатого отца. – Гулять, так гулять.

Я записал его рабочий номер телефона. И домашний... Москва, однако.

Он торжественно раздал нам на прощанье по двадцать пять рублей одной бумажкой и сказал, что будет здесь ещё несколько дней. Остановился у старого друга. Договорились все ещё раз встретиться до его отъезда.

Следующий раз приведу с собой Славку, пусть отец привыкает к нему. Может, подсобит тоже, если ему какого балла хватать не будет при поступлении.

Примчался из кафе на завод, тут же подвергся расспросам со стороны главбуха. Женское любопытство! Особенно Ирину Викторовну волновало, как я налаживаю отношения с братом и сестрой, и чем мой отец занимается в столице. Обстоятельно ответил на все вопросы –

что с Тимуром и Дианой у меня прекрасные отношения, а батя доцентом работает в Горном институте.

Не удивился тому, что главбух отреагировала на информацию о профессии отца с мелькнувшим на лице уважением. Да, в СССР быть доцентом было очень престижно! Зарплата почти как у военных, уважение к могучей советской науке распространялось и на тех, кто был к ней причастен, а если уж стать профессором... То это вообще пик карьеры!

С горечью подумал о том, как после краха СССР все изменится. Уже в девяностых прежде хорошо себя чувствовавшие доценты ходили на работу с целлофановыми пакетами – денег на нормальный портфель не хватало. И даже профессор в XXI веке не дотягивает до того уважения, которое в СССР общество уделяло простому советскому доценту.

Встретился с Галией. С удовольствием отметил, что вчерашний шок от свалившейся на нее внезапно горы дефицита прошел, и она выглядит совершенно нормально. Разве что одну из новых помад использовала, да теней.

Еще вчера задумал, что нужно начать приучать ее к тому, что вещи – это всего лишь вещи. Поэтому сегодня принес ей отложенные для нее джинсы. И вручил ей:

– Вот тебе, кстати, небольшой подарок!

Возраст – вещь полезная. Подарок я тщательно запаковал в несколько слоев обёрточной бумаги. Обожаю этот огонь в глазах любимой женщины, когда она вскрывает упаковку подарка, пытаясь добраться до него и поскорее узнать, что же ей подарили.

Галия ничем от других известных мне женщин в этом плане не отличалась – рвала бумагу с выражением лица... Ну, что-то такое можно увидеть у бенгальского тигра, напавшего со спины на неосторожного прохожего на тропинке в джунглях.

Обнаружив внутри джинсы, она ойкнула. Взяв в руки и примерив, снова ойкнула:

– Паша, это очень дорого, я не могу это взять!

– Запомни, милая – шмотки, это ничто, главное – это любимые люди! – твердо сказал я ей.

– Но я не могу...

– Ну тогда дай мне ножницы, я просто их порежу на куски.

– Не надо! – Галия опасливо отстранилась от меня, и даже немного развернулась боком, прикрывая джинсы руками и прижимая их к груди. Эх, хотел бы я оказаться на их месте!

– Ладно, не буду, не бойся, раз уж мы договорились, и ты их возьмешь! – миролюбиво сказал я. Сразу понял, что по этому пункту мы консенсуса достигли.

– Но что я скажу дома?

– Скажи, что выбила дефицит по линии комсомола и будешь отдавать за него деньги с зарплаты следующие три месяца, частями! – пожал плечами я.

– Врать родителям? – опасливо сказала Галия, но в ее глазах я увидел, что на самом деле она ничего против не будет иметь. Ладно, все же скажу несколько слов, чтобы убедить ее, что это жизненная необходимость.

– Ну, это лучше, чем если твой папа сам их ножницами порежет! – пожал плечами я, – или скажет тебе вернуть их мне, потому что это неправильный подарок для незамужней девушки.

Глава 6

07 апреля 1971 г. Механический завод.

– Ну, это верно! – согласилась Галия, – папа не поймет! А может, мне и в самом деле отдавать тебе деньги? Понемногу каждый месяц?

– Дай сюда ножницы! – вздохнул я.

– Нет-нет, не надо! – снова дернулась Галия, прижимая к себе джинсы в защитном жесте, – хорошо, я все поняла. Спасибо за подарок!

– Давай еще завтра после работы в молочном кафе, посидим, что ли? – предложил я. Свою девушку надо выгуливать – это я знаю точно. Если сам не будешь этого делать – какой-нибудь другой парень может прийти на помощь, и тебе вряд ли это понравится. Идти в кино – слишком много времени придется потратить, а его у меня оставалось все меньше. И ремонт надо делать, и готовиться к экзаменам. Так что посидим лучше в кафе. В часик уложимся.

Галия благодарно чмокнула меня в щеку, и я ушел из комсомольского кабинета, качая головой. Шел к ней научить ее бороться с культом дефицита – а ушел в сомнениях, что из этого получилось. Вроде, точно, научил ее врать родителям, хотя этого в планах совсем не было. Мда! Но фразочку о том, что важны не вещи, а отношения, все же уронил – может, и прорастет со временем.

Шел домой с завода, думая о том, говорить ли о приезде отца из Москвы домашним. Решил, что надо.

Разделся, сел поужинать и сказал громко, чтобы слышали и бабушка, хлопотавшая на кухне, и мама, ушедшая с Аришкой в комнату:

– Мама, бабушка – отец из Москвы приехал. Виделись сегодня в кафе.

– Ох, и что тебе с этого, так называемого, отца? – моментально окрысилась бабушка, и даже выражение лица изменилось на злобное.

– Поступить помочь обещает в Горный институт, в котором преподаёт, – пожал плечами я, – и часы привез дедовские, про которые я думал, что потерял. Оказалось, он их забрал, чтобы стекло поменять.

– И как он выглядит? – спросила вышедшая из комнаты мама.

– Ничего так выглядит, солидно! – сказал я, жуя хлеб. – Даже очки дорогие, и ухожен очень. Представляешь, рубашка накрахмалена!

– Не будет тебе, Пашка, добра от общения с ним! – вздохнула бабушка без прежнего запала. Видимо, мое поступление ее все же волновало.

– Ну, было бы странно, если бы я при его появлении развернулся и пошел в другую сторону! – пожал плечами я, – и, кстати, тогда бы я остался без дедушкиных часов!

И я с удовольствием повертел рукой с часами. Хотел уже, после того, как деньги появились, новые купить себе, но, к счастью, не успел. А эти выглядели очень солидно. Как бы не девятнадцатый век.

– Ну, что часы забрал, это хорошо! – вздохнула бабушка.

– За ними стоит какая-то интересная семейная история? – тут же поинтересовался я.

– Может, и стоит! – пожала плечами она с видом, который я уже знал. Он означал, что прямо сейчас мне ничего не расскажут. Ладно, дело не спешное, разговорю однажды, как у нее будет подходящее настроение.

Поужинав, сел за уроки. Ну, одно хорошо – обществоведение мне теперь не нужно делать от слова совсем – я его и наизусть вызубрил, и даже творчески переосмыслил, используя знания из будущего. Теперь в приоритете французский и химия. Вот же далась она пацанам! Правда, по французскому у меня есть репетитор в лице бабушки, а вот с химией все сложнее.

– Бабушка, а как у тебя с химией? – спросил ее.

– Шутишь, что ли? – спросила она меня с удивлением.

– Ладно, а репетитора можешь мне толкового найти?

– Подумаю... – ответила задумчиво.

Я уж и позабыл о собственном запросе, пока занимался французским, как она неожиданно заговорила за спиной, заставив меня вздрогнуть:

– Вспомнила я одну девочку, что по химии олимпиаду, как ты, выиграла.

– Но я еще не выиграл никакую олимпиаду! – запротестовал я.

– Не важно! – сказала, как отрезала, она, – сейчас, правда, ей уже под тридцать, но она не из тех, что что-то забывают. Библиотекарь она у нас, нужно тебя с ней свести. Зарплаты у них не те, чтобы от учеников отказываться!

– О, это хорошо, спасибо! – поблагодарил я, – когда сводить будем?

– А и зачем сводить, если ты можешь завтра подойти в городскую библиотеку сам, спросить Аннушку, да привет от меня передать с пожеланием, чтобы она за тебя как следует взялась, – сказала бабушка.

Ну что же, тоже вариант!

Потом она сама с часик погоняла меня по французскому. Абсолютно чуждый прежде язык с подачи бабушки раскрывался передо мной все лучше и лучше. Педагогический талант, у нее, несомненно, есть. Терпения маловато, легко взрывается, но объяснять умеет просто и понятно. И, возможно, играет свою роль то, что она очень любит этот язык и передает мне это ощущение. Все, что любишь делать, идет лучше, чем то, что не любишь.

Легли спать. Заснул не сразу – думал про отца. Итак, первый факт – батя явно столичный ловелас. Живет в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывает. В данный момент при женщине. И, судя по всему, если с этой не сложится, завтра же будет при другой женщине. У него их, наверное, целый список.

Не то чтобы я совсем сурово осуждал такой образ жизни, главное – что сам ему не следовал. Учить жизни взрослого мужика совсем не собирался, тем более что бесполезное это дело. Один раз ходок – навсегда ходок.

Помогало то, что настоящим отцом я его не ощущал. Вряд ли и сам Пашка ощущал, если видел его раз в полгода-год.

Для меня отношения с женщинами отца совсем не важны. А что важно? Помощь обещал при поступлении оказать – уже хорошо. Про то, что все поступают в институты и университеты исключительно по знаниям, я иллюзий не питал. Никогда так не было. И ректору позвонят, попросят, и декану, и к самим профессорам, что в экзаменационной комиссии сидят, лучшие друзья детства или коллеги обратятся, которым нельзя отказать, мол, Петя мой или Ванька, которых ты в детстве на коленях держал, подросли... И ведь никому не откажешь. Ректору и декану скажешь нет – работу потеряешь. Старым друзьям откажешься помочь – слушок пойдет, что ты неблагодарная сволочь, и вообще без друзей останешься. А в СССР нельзя без друзей нормально жить. Один друг поможет машину купить, другой отремонтировать, третий гараж найти для нее, четвертый – шины подскажет, где можно купить. И так во всем, если ты не высокопоставленный член элиты, которому все это положено по статусу.

Так что хорошо, если половина мест для поступления останется для всех остальных абитуриентов, что пришли за них состязаться на равных. И зачем мне в такой ситуации идти на общих основаниях и рисковать, что блатных окажется в этот раз слишком много, чтобы я тоже мог стать студентом, если сам могу вытянуть вот такой счастливый билетик?

Что еще важно? По всему видно, что батя человек самолюбивый и любит прихвастнуть. Это тоже хорошо – если буду хорошо учиться и любые успехи показывать, будет мне еще больше помогать, чтобы было чем хвастаться перед друзьями. «А вот мой...» – в такого рода разговорах смогу для отца стать предметом для гордости. Это наши отношения укрепит, а у него, наверняка, есть полезные связи в столице для поиска хорошей работы. Хотя, в этом может

и не быть нужды, но заранее отказываться тоже не стоит. Все же я не москвич в этой жизни, и могу не знать некоторых особенностей закрепления в столице для приезжих в советские времена. А про ограничения все же что-то слышал – и про трудности с московской пропиской тоже.

И все же надо как следует подумать над тем, куда все же поступать, на заочное или дневное? Самым неприятным фактором было, если пойду в армию, попасть во флот. Я уже служил в СССР два года по-честному, долг родине отдал, так что еще три года в новом теле уже были бы перебором. Да и я понятия не имел, как Пашка реагирует на качку – может, из него матрос, как из говна пуля? Провести три года, травя за борт – не мечта всей моей жизни.

Ладно, будет еще одна встреча с отцом – его этим вопросом и озадачу. Советский доцент – должен разбираться во всех нюансах. Хороший советчик должен получиться.

В школе Тимур подошел ко мне и сказал:

– Батя вечером снова приглашает в молочное кафе. Время выбрал, чтобы ты успел после работы. Как закончится твоя смена, сразу через десять минут и встречаемся. Говорит, что дела в столице неожиданно нарисовались, завтра утром уже уезжать придется, а не как планировал.

Так, в это время у меня как раз там встреча с Галией запланирована. Ну, ничего, пусть на мою девушку посмотрит. То, что батя ходок, меня мало тревожит, хотя иллюзий и не питаю, для них моральных барьеров не существует. Девушку сына не трогать? Не смешите! Но даже если начнет вдруг подкатывать, моя девушка его отошьет. Про папу-пожарника он же не знает. Я вот тест на батино одобрение уже прошел, первым из всех парней, кто пытался, а ему пройти его никак не светит. И Галя вполне себе это понимает, что встречаться с взрослым мужиком, которого папа с мамой не одобряют – рвать отношения с семьей.

Не готова она на это, совсем не готова – девушка очень даже хорошо воспитана, с уважением к родителям. Причем без перегиба, когда семью ненавидишь и бросить ее хочется – именно, что правильно, родителей она искренне уважает и любит, ей нравятся их отношения, и она себе таких же ищет. И с этой точки зрения из нее для меня хорошая жена может получиться. Я ее никогда не предаю, не подставляю, и от нее того же ждать буду. Хватит мне уже ошибок прошлой жизни, слишком дорого они мне, во всех смыслах, обошлись.

Кто-то может и не понял бы, что я ищу жену с шестнадцати лет, когда столько девушек вокруг, и самое время вроде бы нагуляться как следует, без обязательств. Но мне же 58 на самом деле, я уже давно нагулялся. Мне стабильности хочется, крепкого семейного очага, в который я притащу все, что нужно для нашего счастья. А шляться с легкодоступными девушками, или с Галией переспать и бросить в поисках другой – не мое. Это уже не я буду, если начну себя так вести. Какой смысл попадать в молодое тело стариком, чтобы совершать все возможные ошибки юности?

Ага, и надо Славку еще вечером позвать в кафе, с отцом познакомить. Намекнуть, что ему тоже помочь в поступлении нужно.

Да, и еще неплохо бы отцу немного шаблон в отношении меня сломать. Он уже и так видит, что я сильно изменился в лучшую сторону, нужно добавить почву для размышлений. И как это сделать? О, придумал – нужно ему тоже что-то подарить! Только придется забежать домой после школы, и поворошить сделанные в доме запасы дефицита. Пусть видит, что я нацелен на серьезный рост, тем больше ему резон мне будет помогать. Во всем. Чтобы потом, если что, и ко мне с просьбой какой обратиться.

На заводе меня ждала записка на рабочем столе: «Вечером после восьми ждёт Никифорова на работе. Ахмад предупреждён, зайди за ним домой».

– А кто звонил, мама или бабушка? – спросил я Изольду.

– Ирина Викторовна разговаривала. – пожала она плечами.

Главбуха на месте не было. Впрочем, какая разница, я не могу и всё. У меня сегодня встреча с отцом. Договорились уже. И Славку уже пригласил в кафе к половине седьмого. И что мне делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.